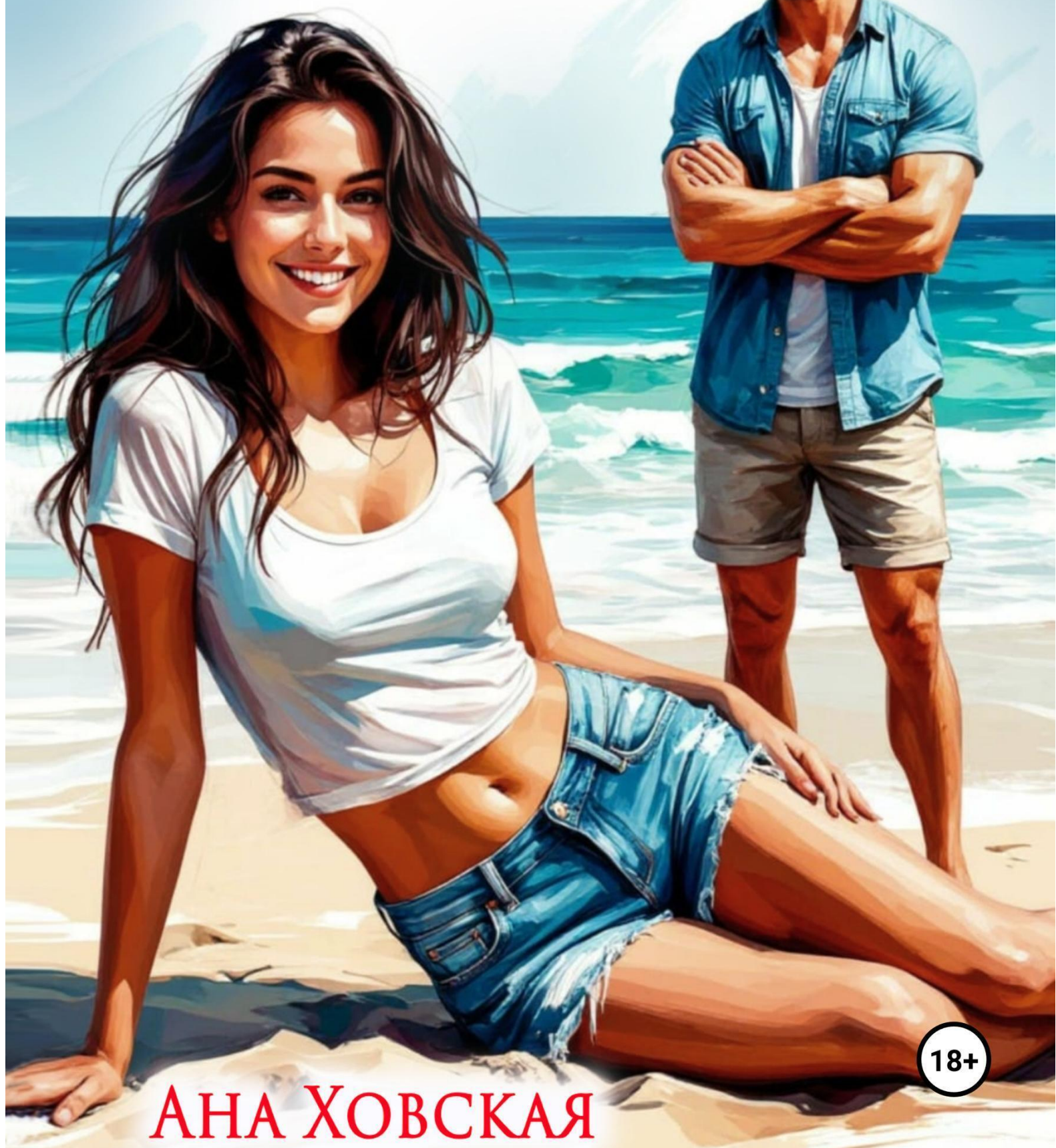

ЛЮБ♥ВЬ

С УСЛОВИЕМ
И БЕЗ...

АНА ХОВСКАЯ

18+

Ана Ховская
Любовь с условием и без...

«Автор»

2008

Ана Ховская

Любовь с условием и без... / Ана Ховская — «Автор», 2008

Кто она – Полина Сосновская – несносная хулиганка или разгильдяйка, или девчонка, которая умеет за себя постоять? Или женщина, которой трудно мириться с несправедливыми обстоятельствами и от обиды или неоправданной смелости совершающая сделку с совестью и сердцем? А может, та, которая любит всей душой и хочет быть любимой? В любом случае, Полина – обладательница несокрушимого оптимизма и неукротимой энергии, которые ведут ее по жизни и приводят к неожиданным открытиям. Эта история все время держит в тонусе воображение и чувство юмора. Остановитесь – почувствуете першение в горле... пока не окажетесь на последней странице... Надеюсь, слова, сложившиеся в историю, станут бальзамом уставшему сердцу и заскучавшему разуму. Для особо мнительных просьба – относиться проще, а для открытых душ пожелание – зарядиться позитивом.

© Ана Ховская, 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Любовь с условием и без...

Глава

Вижу темные круги на воде, свет остается за спиной и медленно меркнет. Чувствую, как холод подбирается к горлу, гасит огонь и захватывает в свои цепкие объятия.

Пьяна в стельку так, что хочется держать голову руками, чтобы она не слетела с шеи... Мне не страшно... Нет, не страшно. Так легче думается, когда все вокруг кружится и на все наплевать... Волны несут... И это такое блаженство! Я уплыву отсюда! Знаю, что осмелюсь, решусь, потому что больше не чувствую земли под ногами, потому что устала идти с совестью и самолюбием на сделки. Это разрушает изнутри. Нет ничего больнее и унижительнее на свете, как перестать уважать себя из-за слабости и отчаяния, позволившим другим решать твои собственные проблемы. Нет ничего обиднее, чем глушить чувства вины и жалости всеми доступными способами. Разве виновата я в том, что нет силы справиться с наступающим на горло миром? Конечно, могла бы еще сопротивляться, возражать, идти напролом, но все это было бы равносильно трепыханию рыбки, выброшенной на берег: на последнем вздохе она поймет, что плаванью конец, что блеск ее чешуи – жалкая подделка, а она так и осталась рыбкой, которая всегда была подчинена только прихотям судьбы...

Все начиналось так радостно: фейерверки, ритмы «латинос», танцы, море, солнце, шашлыки и сверкающие улыбки Анны и Лизы...

После развода с недостойным мужем (хм, это легко сказано!) я решила отдохнуть у мамы, в курортном городке крымского побережья Алуште. Объединившись с сестрой Анной и ее тринадцатилетней дочерью Лизкой, в очередной отпуск мы рванули к морю.

За один месяц мне предстояло обдумать свое дальнейшее существование. Да, именно существование, потому что я осталась без квартиры, без работы, без финансовой поддержки. У сестры оставаться не могла: не хотела быть обузой и источником ее семейных неурядиц. Высокооплачиваемая работа не светила, так как с моим хоть и высшим образованием устроиться на «теплое место» в Екатеринбурге – «дохлый номер». Наверное, все дело было в моем легкомыслии и бескомпромиссности. А пока размышляла, на что гоюсь в этой жизни и что могу выиграть с таким потенциалом.

Ах, ну да, наверное, сначала нужно представиться?

Меня зовут Полина Сосновская. Полина Алексеевна Сосновская. Мне двадцать шесть лет. Кареглазая шатенка, метр семьдесят пять, весом чуть больше шестидесяти килограмм (в общем, обычного телосложения, с длинными ногами, не худая, не толстая). От всех своих родственников – а это мама, сестра и племянница – белокожих, голубоглазых, низкорослых, отличаюсь смуглой кожей, необычным разрезом глаз и ужасно непокорным характером (уж не знаю, в кого я такая?). А еще я менеджер по управлению персоналом, короче – специалист отдела кадров или HR, как принято сейчас называть. Эта профессия, которая уже абсолютно меня не привлекает, да и никогда не нравилась. Но сказать, что я больше ничего не умею, значит, назвать себя неудачницей, а это совершенно противоречит моей жизненной позиции. Когда-то я окончила курсы парикмахера-универсала и визажиста, поэтому прекрасно могла бы реализовать себя в творчестве. Я вообще творческий человек! Но, что странно и парадоксально, моей фантазии всегда хватало только на то, чтобы что-то натворить, а не создать или добиться небывалых высот.

Но не буду углубляться в теорию вероятности, ближе к сути. Как уже сказала, работы в Екатеринбурге для меня не было. По профессии уже никуда не могла устроиться, а творить и фантазировать не позволили обстоятельства.

Странно, да?

Парикмахер – достаточно востребованный специалист, но если бы не произошла одна маленькая история, после которой меня не принимали ни в один салон и даже не приглашали частники, то положение, пожалуй, не казалось бы таким плачевным. А работать продавцом или менеджером торгового зала, что одно и то же, по сути, мне не могли позволить амбиции.

Да, при таком безвыходном положении, финансовом кризисе, так сказать, я еще имела амбиции!

Но ведь много людей их имеют, почему и мне не быть среди них? А ведь это даже неплохо. Ты не позволяешь опуститься себе ниже своего потенциала и продолжаешь развиваться. Легко просто упасть вниз и болтаться где-то на посылках. Надо было держать себя в узде, чтобы еще быть похожим на достойного человека, ну, по крайней мере, в своих глазах.

Еще одна подробность из жизни (кстати, которая и явилась причиной безработицы и вообще всех моих неприятностей): я была замужем. Долгих, долгих, долгих... ну, очень долгих четыре года!

Уф, была, слава богам!

Теперь я стала в один ряд со многими другими разведенными женщинами, которые находятся в поиске себя и своего дальнейшего пути. От брака у меня не было ни детей, ни тех дурных привычек, которые обычно женщина заводит рядом с недостойным ее мужчиной. Наверное, это к лучшему: нет чувства вины и долга, нет связи с прошлым, есть возможность спокойно, обстоятельно найти применение себе.

Кирилл Павлович Белохвостов, заместитель директора «Уралмашбанка», в котором я работала тем самым специалистом отдела кадров, хоть и был мужчиной солидным, симпатичным и воспитанным, со связями и положением, все же не смог удержать меня от совершения задуманного. Он не вынес мою «ужасную», «невыносимую», «позорную», «предательскую» (и масса определений еще!) привычку говорить все, что думаю, и не таить эмоций. С этим одним и еще парой мелких недостатков он смириться не смог. Я «позорила» его в глазах коллег и знакомых. Надо сказать, он стыдился меня.

Но я просто не умела жить по-другому!

Если честно, казалось, что многие из его коллег мужчин были не против моей компании, я даже нравилась им своей непосредственностью и легкостью на подъем.

Не знаю, что больше задевало Кирилла: моя прямолинейность или откровенное внимание его коллег и знакомых к моей персоне?

О, как сказала!

В общем, в очередной раз мы поскандалили, и я решила, что на этом пора поставить точку в этой брачной истории. Ярким поводом для раннего, очень раннего утреннего подъема и путешествия в ЗАГС через весь город стал мой неугомонный язык. Накануне скандала, по всем признакам типичного для обычных молодоженов, я выстрелила по его самолюбию легкомысленной фразой:

– Если мы разведемся, я верну свою чудесную фамилию и перестану быть птичьим хвостом!

Это была травма, несовместимая с гордостью. Мы развелись.

«Благородство» и «воспитание», а иначе – привычка во всем следовать родительской воле и, конечно, умелое руководство госпожи Белохвостовой – моей свекрови, не позволило Кириллу разменять квартиру, чтобы оставить мне хоть какую-то крышу над головой. Ну и, конечно же, большую роль в развале нашей семьи сыграли родители Кирилла – все те же птичьи хвосты, которые с самого начала были против брака сына со мной.

Ой, не очень-то и хотелось водиться с белоручками!

Ну, а если без иронии, то в наших отношениях все было гораздо сложнее, чем хочется об этом вспоминать.

Короче, я не унывала, держала хвост пистолетом, как говорит моя мама – Галина Андреевна Сосновская. Взяла билеты в Алушту. Этот месяц своего последнего отпуска с последующим увольнением из отдела кадров банка собиралась провести в абсолютном отрыве от реального мира: на воздухе, солнце, воде, рядом с родными. А все остальное я, как Скарлет О'Хара, оставила на потом.

Итак, Алушта – прекрасный, цветущий, дивно пахнущий, маленький городок на Черном море. А также небольшой участок в пятнадцать соток с шикарным садом, грядками, цветочными полянами и чудным маленьким домиком из красного кирпича с верандой и террасой на чердаке. Этот уютный четырехкомнатный домик с большой кухней и большим холлом, как теперь принято выражаться, был построен специально для мамы, когда после моей свадьбы она захотела переехать на родину. Кирилл не пожалел денег, чтобы выстроить этот маленький райский оазис в одном из тихих, но уютных и обустроенных районов Алушты. Мама была равнодушна к садоводству, и ей понравилась ее новая жизнь, хоть и вдали от нас.

Она жила одна. Наш с Анной папа умер, когда мне было десять. Мама очень любила отца и больше не вышла замуж. Но здесь у нее было много друзей детства, и в тяжелые дни они помогали ей по хозяйству и поддерживали морально. К тому же, в Ялте жили брат Николай и две ее тетки, к которым она частенько навещалась.

Но у нас был еще один член семьи – это Сенечка, Сенька, Сенек, ужасно умный маленький дворовый пес, рыжий, пушистый, с огромными ушами и славными штанишками на задних лапах. Он-то и спасал маму от одиночества и скуки по нам в промежутках между нашими с Анной отпусками.

В этот раз мы нагрянули скопом. Сразу было столько веселья, радости, умиления. Мама очень переживала за мой развод с Кириллом, все сокрушалась: как же я теперь смогу выжить в большом городе одна?! Она любила зятя, но все же осталась на моей стороне и приняла мое решение.

Анна и Лизка сразу увлеклись сбором черешни и клубники, которые выспели раньше, чем положено, будто специально к нашему приезду. Яркие сочные ягоды, пахнущие солнцем, красовались на разноцветных блюдах несколько дней. Сначала мы все, так сказать, отъедались естественным продуктом и несколько дней подряд не выходили за ворота: загорали во дворе, обливались из шланга, питались с грядок, в общем – кайфовали. Ну а когда продукты в холодильнике закончились и мы уже не могли обходиться одной зеленью и овощами, то меня как самую смышленную и бойкую отправили на местный базар за провиантом. Я была еще та торговка – могла сэкономить до двухсот рублей с тысячи (то есть гривен, но я все считала в рублях). Да и знали меня уже на этом базарчике, уступали сами, а частенько и угощали за просто так.

А пока добывала пропитание, Анна с Лизкой выполняли самую нелюбимую мной работу: пропалывали славный мамин огородик. Я и не спешила домой, решила набрать всего побольше, чтобы потом снова надолго обосноваться в гамаке в саду и наслаждаться дарами юга. Я всегда была компанейская девчонка, терпеть не могла занудство, скуку, тишину и безделье, но сейчас, как никогда, хотелось покоя. До меня еще не доходило, что жизнь изменилась, как только забрала паспорт из ЗАГСа с большой черной печатью на четырнадцатой странице: «РАЗВЕДЕН(А)». Нет, я не переживала, но был жуткий депресняк.

С чего бы это?! В ближайшее время собиралась что-нибудь сделать с этим настроением, но не сейчас.

Однако за меня поработала природа. После выхода с базарной площади я ощутила невероятный прилив сил и поняла, что возвращаюсь «в свою тарелку». Свернув с центральной улицы на проселочную, замедлила шаг и шла посередине дороги, разглядывая чужие дворы и устеленные обалденными цветами территории у ворот. Я не шла – порхала по гальке, спотыкаясь, сбивая пальцы, маленькие камешки забивались в сабо, каблук проваливались. Если

честно, отпинала бы строителей этих дорог. Но было прекрасное весеннее утро, легкий шум города, почти музыкальный, наичистейший воздух, солнце, играющее в волосах и согревающее кожу пушистым теплом, гармония и настроение вырывались наружу, я светилась изнутри, улыбалась немного по-шаловному, немного мечтательно. Даже пакеты с продуктами в обеих руках не в тягость. Ведь у меня все было замечательно!

А разве нет?! Все живы и здоровы. А все остальное – бездарная пародия на мелодраму.

Сворачивая с широкой дороги на более узкую дорожку вдоль кленов, ведущую прямо в мой переулок, заметила на углу красивый черный автомобиль и сверкающий на нем знак БМВ. А рядом с ним, облокотившись на капот, стояли трое мужчин. Да нет, не мужчин, а так, наверное, местных хулиганов, заделавшихся под новых русских. Два амбала в ужасных, безвкусных рубашках и выцветших шортах ниже колен, и один в соломенных бриджах, более или менее сочетающихся с сандалиями и майкой «Найк». Из открытой двери БМВ гремела музыка, что-то из Шуфутинского. Все, как один, обернулись на новый раздражитель – на меня, и стали пристально рассматривать, контролируя каждый мой шаг.

Нет, я не смотрела на них. Вот еще! Но периферическое зрение отлично улавливало их взгляды: оценивающие, заигрывающие, жадные.

Я прошла мимо, проигнорировав их откровенные взоры, мельком взглянув на пыльные шлепанцы и неухоженные пальцы ног одного из них, еще раз отметив, как мужчины умеют испортить впечатление о себе своей небрежностью.

– Хм, хорошенькая, – бросили за спиной с явным намерением, чтобы это было услышано.

Я усмехнулась, закатив глаза к небу, и продолжила путь.

– Угу, свеженькая, – промычал другой.

«Вот засранцы, простите боги, прямо, как на выставке. На себя бы посмотрели, амбалы нечесанные», – пренебрежительно сморщилась я.

– Что-то раньше я ее здесь не видел? – проговорил третий, и по звуку шагов было похоже, что развернулся мне вслед, чтобы оценить, как же я выгляжу со спины.

Короче, пялился на мои ноги и зад! В этом все мужчины были поразительно предсказуемы, и этот не был исключением.

– Наверно, приезжая... – снова прогундосил кто-то из них, а дальше слов не разобрала из-за проехавшей рядом машины.

Тоже мне – женихи! Хотя тот черноволосый в соломенных бриджах очень даже ничего, сошел бы за приличного парня... А хотя – это уже неважно. Это же просто шпана. Братва! Точно, Саша Белый со своей бригадой. Только бригада маловата, и налицо полное отсутствие шарма и стиля подобного сообщества. И костюмчики-то у них были из Турции или Китая.

Это и было началом новой истории в моей жизни...

Недолго думая, в следующую субботу мы с Анной и Лизкой снарядились на дискотеку. Все трое обожали петь, а уж без танцев и дня прожить не могли. Наша Елизавета заканчивала современную школу танцев и занималась вокалом, а мы с Анной были самоучками. Но еще какими!

Оставив маме прибранный дом, вычищенные двор и сад, прополотый огород, мы втроем вышли в город. Лизка, как и всегда, навела марафет, от которого всех парней бросало в пот. Они так и исходили слюной и сворачивали шеи, когда та проходила мимо. Анна была поскромнее, но тоже имела привычку надевать в люди самый лучший наряд и оставлять после себя манящий шлейф цветочного парфюма. Мне же претили все эти условности. По сравнению с ними я выглядела босячкой, но, по-моему, смотрелась не менее эффектно.

Видели бы все, как я танцую!

На одном из пляжей, который мне впервые открылся в этом городке четыре года назад, и сразу же прикипела к нему душой, в прошлом году построили новый бар-караоке с открытой

площадкой для танцев, подиумом для пения и весьма неплохой кухней. Туда-то мы и отправились. Ни Лизка, ни Анна еще не бывали здесь. Да и я видела его только издалека.

Когда прошли на территорию бара, огороженную забором, сотканным из бамбука и тонких веток и обильно заросшим цветущим вьюном, заметила, что это место пользуется спросом. Раньше не видела здесь так много людей. Этот пляж был почти диким. И почти сразу пожалела, что не надела красное платье, в котором чувствовала себя привлекательной и обаятельной, а вырядилась в бриджи и легкий трикотажный топ, считая, что в этом городе, по сути, большой деревне, не перед кем фасонить. Оказалось, я переоценила свою способность равнодушно относиться к брачным играм животных (тире людей). Несмотря на то, что разочаровалась в одном мужчине, еще недавно казавшимся самым-самым, и была уверена, что еще долго не захочу заводить новые знакомства, кокетство и девчоночьи уловки возникли непроизвольно. За барной стойкой и на танцевальной площадке откуда ни возьмись оказалось столько приличных парней, что от их «ассортимента» и неожиданно заинтересованных взглядов в нашу сторону захватывало дух. Проснулся дикий азарт охотницы. Анна и Лизка сразу уловили легкий ритм мелодии, и их бедра невольно закачались в танце. Я тоже оживилась и, пританцовывая, пошла занимать столик на троих.

Заказав в баре martini с соком для нас с Анной и любимый напиток Лизки – колу, я присела на высокий круглый табурет у стойки и наблюдала за происходящим вокруг. Атмосфера возбуждала. Сама не понимаю, как целую неделю обходилась без этого шума, гама, болтовни, хоть и пустой, и была занята бессмысленными и нудными рассуждениями о том, что же произошло в моей жизни.

– Ваш martini и кола, – подал бармен напитки и улыбнулся.

Я криво улыбнулась в ответ (он был не в моем вкусе, а таить эмоции не по мне) и только взялась за бокалы, как кто-то тяжелый навалился на плечо. Не удержав равновесия, я буквально выплеснула содержимое бокалов за стойку бара.

– Эй, что за проблемы, амбал! – выверилась на громилу метра два ростом, напоминающего скорее бесформенное бревно, чем молодого мужчину. – Чего тарачишься? Давай бабки за заказ, который оказался на бармене!

Амбал, похоже, и сам не понял, что он на кого-то оперся и, уже прилично (или неприлично) залитыми зенками, пренебрежительно окинул меня с ног до головы.

– Кто это тут возникает? – возразил он, еле ворочая языком и выдыхая мне в лицо злобный перегар.

– Ты, козел, верни деньги за выпивку! Я тебе тут не тумбочка, чтобы лапы складывать! – возмутилась и, чуть было, не бросилась в драку с этим монстром, да и он уже протянул ко мне свои волосатые лапы.

Но вместе с криком бармена между мной и амбалом неожиданно протянулась рука и отпихнула последнего на расстояние нескольких шагов.

– Эй, эй, дамы и господа, не нужно ссориться, – спокойным голосом проговорил мужчина лет тридцати пяти и кивнул бармену. – Дорогой, сделай даме дубль два и запиши на мой счет, а?

– Яра, ты чё, я же ее щас порву? – прогундосил громил за спиной второго мужчины и беспорядочно замахал руками.

Я отступила и отвернулась лицом к барной стойке. Слава богам, не вступила с ним в поединок, иначе расшиб бы меня в лепешку.

– Уймись, иди за стол! – будто приказал второй и легко развернул амбала в противоположную от бара сторону. Тот подчинился без возражений.

Бармен повторил заказ. Я взялась за бокалы и возмущенно покосилась на кивающего мне мужчину.

– Все нормально? – спросил и улыбнулся, будто ждал благодарности.

– Думаете, спасибо скажу? Не дождетесь!– бросила я, и круто повернувшись, пошла к своему столику.

Да я бы этого амбала на куски покрошила, если бы не этот, весь из себя: «Дамы, господа...» Тоже мне – джентльмен!

Устроившись за столиком, быстро переключилась на цель прихода сюда и выкинула из головы неприятный инцидент. Вскоре присоединились Анна и Лизка. Мы немного посплетничали: обсудили, кто и как танцует, кто во что одет, какая скучная музыка, в общем – атмосфера не по нам, и настроились разогнать спящих мух и занудных ботаников. Напившись коктейлей и колы, мы пошли зажигать публику. Лизка сразу нашла общий язык с ди-джемом, и на танцплощадке зазвучала заводная музыка разных форматов: от латино и айренби до восточных мотивов.

Чуть позже, почти на закате, Лизка и Анна оккупировали подиум, и отдыхающие были в восторге от их пения в караоке. Была пара романсов, а в остальном современные ритмичные и зажигательные песни на русском и английском языках. В этот день я была не в голосе, к микрофону не вышла, но с настроением кричала во все горло, в смысле – подпевала, за своим столиком. А потом начались безудержные полуночные танцы.

На площадке под заводную музыку в гармонии с ветром было легко танцевать. Морской воздух, заходящее солнце, как ни банально, создавали игривое, радостное настроение. Насущные проблемы остались со мной, но обстановка вокруг отодвигала их значимость, и я на время потеряла способность сгущать краски. Улыбалась всем открыто и по-доброму, как и раньше, без смущения и агрессии реагировала на свисты и возгласы мужчин (а куда деваться без них-то?). Все шло, как и должно было быть у нормального человека, не отягощенного грузом личных неудач, в которых приходилось признаваться, когда нужно принимать решения и искать выход. Спасибо, Анна и Лизка заражали своим оптимизмом и энтузиазмом. Особенно Лизка, которую трудно было чем-то смутить, довести до депрессии. Меня тоже трудно сломить, но иногда, по странному стечению обстоятельств, словно что-то переклинивало, и я становилась неуправляемая в стремлении «загрызть себя насмерть».

Первая дискотека за год без чье-либо контроля, в том виде, в котором мне было комфортно, и абсолютная свобода действовали, как наркотик.

Как я могла променять почти пять лет молодости на жизнь под конвоем? Нет, я себе не верю. Это была не я, а влюбленная самонадеянная девочка с манерами, от которых сейчас почти ничего не осталось.

Да, не всегда я была такой хулиганкой, кроме школьных лет, разумеется. Говорят, когда люди взрослеют, ума прибавляется, появляется степенность какая-то, обстоятельность, мудрость, что ли. Но мой же характер с годами только портился.

Конечно! И знаю, кого в этом винить!

В воскресенье на этой же неделе мы уже в полном составе забурились в аквапарк, с нами был даже наш песик Сенечка. Мама и Анна плескались в бассейне, а мы с Лизкой, как самые рискованные и бесшабашные, пошли на водные горки.

Столько было эмоций, писка, визга, словом, отдохнули по полной программе. Я совершенно выключилась из событий, которые обрушились совсем недавно. Или они уже давно висели над головой?! В общем, – неважно: жизнь снова открывала мне свои объятия.

Мама даже как-то взбодрилась и порадовалась за нас. Еще с первых дней по приезде создалось впечатление, что она переживала мой развод с Кириллом тяжелее, чем я. А в этот день ее глаза посветлели, морщинки разгладились, она цвела и пахла. И мы, ее путевые и непутевые детки, были с ней.

А после аквапарка отправили маму с Сенькой домой, а сами облазили все фирменные магазины (ой, отвыкла! – «бутики», – настойчиво поправляла меня бывшая свекровь), в общем,

– занялись шопингом. Я совершенно бездумно потратила все свои отпускные на тряпки и безделушки, которые, возможно, и некуда будет надеть.

Я и забыла: у меня больше нет престижной работы. Вообще работы! Да и заначки на черный день как-то не припасла.

Но и эти переживания и сожаления оставила на потом.

В следующий выход в люди я уже оделась, как подобает. На мне была цветастая шифоновая кофточка. Она легко колыхалась на теле от ветра, облекая грудь и плечи. В эти моменты я скользила взглядом по сторонам и, если замечала любопытные взгляды мужчин, мысленно укоряла себя за легкомыслие. Ведь снова же нарвусь на неприятности. Хватит уже с меня дворовых приключений. Давно прошла пора, когда надевала неприлично короткие юбки и фасонила по Екатеринбург, а точнее, по его дворам и закоулкам.

Вот сейчас не нужно думать, что я какая-то там шлендра!

Конечно, для бабулек нашего двора на Московской другого имени у меня и не было. Как бы там ни было, от многих истинных шлендр я отличалась твердыми моральными принципами. Об этом говорят все мои результаты на сегодняшний день. Итак, займемся подсчетами: полное среднее образование – раз; ах да, ясли и детский сад тоже оказали определенное влияние на воспитание (там научили драться со всеми, кто косо смотрел. Разумеется, это были не воспитатели); курсы парикмахера-универсала и визажиста – два (интересное занятие, дало много новых знакомств); высшее образование, дипломом, которым можно бить мух, – три (кстати, на красной обложке не видно крови); замужество – одно (об этом говорить не хочу!); развод – один (тем более!); мужчина – один (ну, это не означает, что я дефектная. Сколько было желающих!). . .

Это не все, но для образа белого и пушистого ангелочка – достаточно. Меня так мама в детстве называла – «пушистая гелочка», слово ангелочек я не выговаривала полностью.

Тем не менее, пока я танцевала, совесть боролась с наглостью. Я получала удовольствие от чужих взглядов, потому что выглядела отлично и чувствовала себя привлекательной. Что бы мы, женщины, ни говорили о вечной любви, о единственном любимом мужчине, о преданности, о совести, в нас всегда живет желание владеть еще большим вниманием, восхищением, признанием, при этом оставаясь верными тому, единственному.

Ну, того единственного у меня уже не было, поэтому позволила себе расслабиться на полную катушку. Музыка оглушала, от мартини слегка двоилось в глазах, и в желудке пекло, но настроение было огненное и только подгоняло к еще большему «отрыву».

Однако было в этот вечер кое-что еще, что отвлекало мысли от самой себя. Этот пристально изучающий, решительный карий взгляд.

За столиком в самом углу, но в хорошо обозреваемой точке бара, сидела кучка мужчин. Они пили текилу, коньяк и водку, разбавляя все это приличной порцией пива, и играли в карты (вот уж занятие для алкоголиков). Но одеты прилично и даже дорого. Все они были сосредоточены на своих стопках и картах в руках, шумели друг на друга, драли глотки от возмущения или от удовольствия, что шла игра, заглушая даже долбящую по барабанным перепонкам музыку. Но один из них, тот самый, с темными глазами, редко раскрывал рот и все пялился в мою сторону, успевая пить текилу и отвечать на ставки.

Многие мужчины здесь смотрели на меня, но так, как смотрел он: долго, загадочно, отслеживая каждый шаг, определенно имея виды, – не смотрел никто. В каком бы углу ни танцевала, он неотрывно следил за мной.

Как ему удавалось это делать сквозь толпу, удерживая во внимании игру со своей бригадой? Хм, вот надо же, странная ассоциация!? Где-то я его уже видела? А-а, так это же тот самый из братвы на БМВ, и тот, что в баре-караоке своего амбала усмирил.

Отчего-то беспокоил этот неожиданный настойчивый интерес. Однозначно, в его головке вертелись пошленькие мыслишки. Захотелось смыться отсюда. Но в такой веселый вечер в редком превосходном настроении было бы глупо обращать внимание на какого-то «крутягу» и запретить себе получать удовольствие. К тому же могла ошибаться на его счет.

«Может, он всего-навсего пьян? А с пьяного, какой спрос? Так и быть, остаюсь и танцую до упада», – решила я и продемонстрировала ему свое безразличие.

Через полтора часа четко поняла, что следовало взять с собой Анну или Лизу. Интерес ко мне этого кареглазого хомячка (у него были смешные полные щеки) начинал раздражать. Он был даже не в моем вкусе (коротко стриженный, с дурацкой филированной челочкой, плотный, с заметным животиком, на морду лица слишком самоуверенный), а явно претендовал на мое внимание. Но у Анны накануне вечера жутко разболелась голова, а у Лизы нашлось занятие поинтереснее: местные парни, соседские пацаны, пригласили ее в Баскин-Робинс. А уж от чего-чего, но от мороженого она отказаться не могла (Сыр-р-р! – безумно вскричал Рокки, и его усы вытянулись в полосатые сосульки).

В тот самый момент, когда заметила, что этот мужчина поднялся из-за стола и, поправляя ремень на джинсах, двинулся к центру танцплощадки (а я была именно в центре), то просекла, что от него не отвяжаться, и решила не испытывать судьбу.

У-у, какую бы могла устроить ему головомойку!

Я выпила достаточно спиртного, чтобы быть абсолютно неконтролируемой на слово. Хотя и в трезвом уме и ясной памяти, или как там говорится, не слишком-то церемонилась. Но этот крутяга был не один, и я решительно оценивала свои шансы.

Странно, но то, как поступила потом, не укладывалось в голове. Я просто сбежала! Это было не в моем характере! Словно нашкодившая кошка, удрала с места преступления.

Наутро вспоминала, что же взбрело в голову выставить себя такой дурой? Но мартини стер из памяти вчерашние мысли и эмоции. Однако осталось ощущение, что побег был красивым. Бочком, бочком, пританцовывая, растворилась в темноте пляжа.

По-моему, меня даже никто и не заметил? Нет, в следующий раз пойду просто на свой пляж. Хватит с меня ночных дискотек. Хотя, что ни говори, всю дурь они из головы выбивают.

Пляж ранним утром был особо хорош: умеренное солнце, прохладная вода, теплый, а не огнедышащий песок, и ни души (Анна и Лизка тоже еще дрыхли без задних ног: вот уж любители поспать). Никаких собак с тарелками и мячами, никаких зануд – спасателей, которые то и дело тормозят чемпионский заплыв далеко за буйки. А на мели – что за плаванье? Барахтанье старой черепахи пузом по дну...

Я не выходила из воды целый час. Нахлебалась до чертиков, но нанярялась вдоволь. А вода на редкость была прозрачна и чиста. А когда прилегла на полотенце, чтобы отдохнуть перед следующим заплывом, в баре-караоке по соседству уже заиграла музыка. Повара и официанты повышали себе настроение перед началом долгого рабочего дня.

В десять часов начал собираться народ. Но это был будний день, среда, поэтому его, люда, оказалось не так много, в основном приезжие, и, к тому же, одни девчонки. Вокруг метров на десять никого не было. А небольшой бархан из песка скрывал меня от бара и автостоянки.

Отлежавшись, обсохнув, снова поднялась, чтобы нырнуть в бездну удовольствия.

И кого бы, вы думаете, увидела на вершине бархана метрах в семи от меня? Это был мужчина, тот самый крутяга из бара-караоке, и он наблюдал не за кем-нибудь, а именно за мной.

Я повернулась к морю как ни в чем не бывало и, закручивая волосы в узел резинкой на макушке, вошла в воду. Была уверена, что в этот момент его взгляд скользил по моим ягодицам, спине, плечам и снова останавливался на ягодицах.

Ну, конечно, это же был мужчина! Чем еще себя тешить молодцу на пляже в прекрасное солнечное утро, как ни среди полуголых девочек, с блестящими телами от масла для загара и откровенным ожиданием авантюры в глазах?

Однако же, к моему великому раздражению, его не интересовали кокетки в разноцветных ниточках вместо купальника, бесстыдно обнажающих все, что возможно, он смотрел на них только потому, что они маячили перед глазами.

«И на что я ему сдалась? Хочет смутить своим взглядом, плутовской улыбкой? Ой, вы посмотрите на него! Ну, что ж, не на ту напал!»— подумала я и нырнула с головой.

Заплыла метров на пятнадцать от буйков, когда услышала из рупора скрипучий голос проснувшегося спасателя.

Похоже, надо было договориться с ним заранее на такие заплывы, иначе он не даст получать удовольствие. И что им всем нейдет?

Пришлось вскоре вернуться, но из вредности я делала это о-очень медленно, будто встречные волны не пускали на берег.

Приближаясь к своему полотенцу, снова почувствовала на себе знакомый взгляд. Брюнет из бара сидел уже не на вершине бархана, а в метре от моего места и смотрел как-то странно, требовательно, будто ждал от меня чего-то, и молчал. Ну, я и решила попробовать другую методику отшивания прилипал.

Я не отвела глаз, желая выстоять в поединке, и тоже молчала. Как только коснулась края полотенца пальцами ног, мужчина подмигнул и заговорил:

– Ну, так что будем делать?

– А у нас с тобой есть дела?!— удивилась я его нахальству.

– Пока нет, но скоро появятся. Тебя Полина зовут?

– Спасибо, что напомнил, как зовут, а то как-то подзабыла,— съязвила я.

– А ты у нас с характером?

– Да, обо мне нельзя сказать, что я ни рыба ни мясо,— насмешливо хмыкнула в ответ.

– Вот и славно.

Мужчина оценивающим взглядом оглядел меня с ног до головы, улыбнулся и замер с хитрым прищуром.

– Ну, а чё надо-то?— раздражительно спросила, выжимая волосы.

– Сейчас у меня дела, но вечером я тебя найду, поговорим,— заявил он, как властелин всего сущего.

– Скажите-ка, какой деловой! А ничего, если я занята?

– Это не имеет значения,— уверенно ответил он и поднялся с песка.

– Да пошел ты!— фыркнула и, встряхнув полотенце прямо на него, пошла прочь.

Он усмехнулся вслед и пошел в другую сторону.

Всегда не могла терпеть самодовольных уродов, которые не видят дальше своего носа и не признают чужого мнения.

Он что, не понял, что не в моем вкусе? По-моему, я явно ему это продемонстрировала? Ну и наглый пошел народец!

Но вскоре я и забыла про этот случайный пустой разговор, когда мамулька приготовила свои фирменные вареники с картошкой, жареным луком и грибами. Мы все просто пальцы облизывали и слюнками давились от аппетитного блюда, пока садились за стол. Запах стоял обалденный! А еще и тетя Глаша, соседка через улицу, угостила нас домашней сметанкой, и обед был настоящим блаженством. Сочетание специй, нежнейшего пюре и обжаренных на сливочном масле грибов да со сладкой сметанкой – по усам текло да по подбородку. Несколько первых минут все молча жевали, вытаращив глаза от безумного наслаждения, а потом слово за слово – разговорились. В такие минуты я понимала, что жизнь еще прекрасней, чем есть,

особенно на голодный желудок и с мамиными кулинарными способностями. Она ведь у меня по первому образованию повар.

Вместе с соседкой на обед заглянули и Лизкины друзья, племянники тети Глаши. За чаем мама с соседкой разговорились о жизни, а мы с молодежью перешли в сад в беседку из винограда и вьюнов. Лизка и мальчишки тарахтели о своем. А мы с Анной рассматривали журнал-путеводитель по Алуште. Смотрели, что нового было построено за год, какие новые магазины и салоны открылись, какие развлекательные и злачные места.

И, видимо, мы так эмоционально и заинтересовано обсуждали, куда бы еще сходить на прогулку и отдых, что к нам подключилась и молодежь. Валерка, старший парнишка лет пятнадцати, с горящими глазами, взхлеб стал рассказывать нам о парке отдыха с современными каруселями, игровыми автоматами и отпадными лабиринтами из заморского кустарника, которые спроектировали и возвели греки.

– Отдыхающие редко сами находят выход из лабиринта, им приходится помогать специальным инструкторам. Но это развлечение стоит того, чтобы заблудиться. Ощущения невероятные!

Мы все заразились идеей сходить туда как можно скорее. Да и сразу снарядились бы, но сегодня там, как назло, был санитарный день или что-то вроде того. Но мальчишки предложили другой вариант: сходить на пирс, где проходил ежегодный праздник открытия купального сезона для детей из местных лагерей отдыха. Делать было нечего, и мы с энтузиазмом приняли это предложение.

К пирсу добрались на маршрутном такси. Я давненько здесь не бывала. Прибрежный портовый парк заметно наполнился, подрос, был ухожен, декорирован коваными скамьями и деревянными скульптурами разных животных. А вот на ранее пустовавшем островке из цветной гальки слева от парка, где прогуливались чайки и голуби, было выстроено эффектное на вид здание, ресторан «У пирса».

– Ого! И давно его построили?– удивилась, разглядывая светящуюся вывеску и окна в форме штурвала.

– Уже года два, как стоит,– ответил Васька, младший брат Валеры.

– Впечатляющее здание!– отметила Анна.

– Да-а-а уж, офигеть!– согласилась я.

– Здесь по всему городу таких зданий еще штук пять. У них хозяин один,– деловито продолжил Валера.– Есть тут такой авторитет – Яра Македонец.

– Македонец? Это что, кликуха?– засмеялась Лизка.

– Нет, фио у него такая. Он тут много разных кафе под собой держит: и на пляже, и в центре, и за городом.

Память у меня хорошая, но неконкретная. Слово «Яра» уже где-то слышала, но где – ахез, как говорил Евгений Петросян. Но тут подсказка Валерки все прояснила.

– Он еще бар-караоке содержит на том пляже, куда вы ходили на дискотеку.

Ну, точно, он и есть, родимый! Кареглазый братан с двумя амбалами и запредельными запросами. Это его лыка не вяжущее бревно хотело меня порвать. Значит, вот кто ты, северный хомяк?! Ну, ладно, поговоришь ты еще со мной, если, не приведи господи, попадешься на пути.

– А что этот Яра собой представляет?– полюбопытствовала на всякий случай.

– Ты кино про авторитетов смотрела?– спросил Васька (и что он знал о них, глупыш?!).

– Ну?

– «Бригада», «Бандитский Петербург»?– уточнил он.

Не знаю, было ли уместно подобное сравнение, но на первый взгляд было очень похоже.

– Ладно, бомбить не будем,– усмехнулась, кивая на ресторан с банальным названием «У пирса».– Пошли к людям, вон какое веселье развернулось.

Мы двинулись дальше.

Праздник удался. Хоть и на сцене, сооруженной на пирсе, выступали не звезды и даже не особо талантливые люди, а просто задорные и экспрессивные, общая атмосфера заряжала настроением.

А позже всей гурьбой мы пошли на соседний пляж, чтобы остыть и смыть с кожи и волос липучее конфетти, которое выпускали высоко в воздух специальные машинки.

Пляж оказался неплохим. Я здесь никогда не загорала и не купалась, но для смены впечатлений и этот был хорош. Мальчишки сразу поскакали в воду. Анна и Лизка сняли одежду и тоже погнались за волнами. А мне, как самой тормознутой, пришлось стеречь одежду и тех, и других. Тут же были мобилы и сумки с деньгами. Я положила тряпочную сумку Лизы под голову и легла на горячий песок.

И, пока компания резвилась в воде, случилось то, чего совсем не ожидала.

– Ну, привет, красавица!

Я вздрогнула. Голос прозвучал так близко, почти над головой. Подняла глаза. Надо мной склонился мужчина и отсалютовал рукой.

Опять он! Что ему от меня нужно?

– Ну, и чё надо?– совсем невежливо спросила и сморщила лоб от загрохотавшей на пирсе музыки.

– Не чё, а кого,– улыбнулся он и присел на колени передо мной, закрывая обзор моря.

Красавец! Нечего сказать! Вот откопался на мою голову!

– Слушай,– привстала на локтях и, прищурившись, окинула мужчину пренебрежительным взглядом,– шел бы ты своей дорогой. Я тебе не мешала? И ты мне не мешай. Дай отдохнуть, а? Ну нет у меня настроения разговаривать с первым встречным.

Для человека его положения на мои слова он отреагировал очень снисходительно: только улыбнулся и повел бровью. Я успокоилась и снова легла на песок.

– А ты не разговаривай. Ты слушай,– вдруг ответил он.

О-о-ох! Бла-бла шоу! Ладно, пусть мелет, что хочет. Поди, уши не завянут?

Ну, он и начал молоть:

– На наших пляжах редко появляются девушки такие, как ты. И на улицах любимого города тоже. Вот ты мне и приглянулась,– спокойно, с расстановкой проговорил Яра.

Ха, добрый молодец! Какие речи молвит!

Ощущение, что проваливаюсь в песок, было почти физическим.

Куда он вел?

– ...Поэтому предлагаю подумать над развитием наших отношений, Полина. А зовут меня Ярослав Македонец.

Это было смешно и возмутительно одновременно. Кем он себя возомнил?

– А ты, Ярослав Македонец, больше ничего не хочешь?– резко поднялась и возмущенно уставилась на мужчину.

Он тоже поднялся.

– Я не тороплю тебя, подумай,– спокойно ответил он, будто моего мнения здесь вообще не существовало.

– Повторяю для особо заносчивых: шел бы ты своей дорогой! Никаких отношений я с тобой развивать не буду. На фига козе баян?!

– Ты сильно-то не напрягайся,– оборвал Ярослав.– Я своего все равно добьюсь. В твоих же интересах договориться полюбовно, красиво и ласково. Не пожалеешь ведь...

– И как же это? Погрузите меня с братвой в багажник своего БМВ и запрете в домашнем борделе?– вскипела я, и щеки запылали огнем.

– Н-да, ну ты и фантазерка!– засмеялся он.– Не волнуйся, между нами никакой братвы, борделей, насилия не будет. Все по-честному. Только нужно, чтобы ты немножко подумала и согласилась на мое предложение. Я обещаю, обижать тебя никто не станет.

– Ой, какое великодушие! А зачем мне думать-то, если я все равно должна согласиться?– ядовито бросила и выставила руки на бедра, ну прямо, как базарная баба.– Что, девочек на пляже мало?

– А дело не в этом,– с убийственным спокойствием ответил Ярослав.

– А-а, потянуло на недоступное, неформатное?

– Ну, не такая уж ты и недоступная. Просто еще не попробовала вкуса другой жизни.

Это мне-то он предлагал другую жизнь? Да что я о ней только не знала? Да рядом с Кириллом у меня было все, только распоряжаться этим не могла. Да знала я всю его роскошную жизнь: куча денег, куча возможностей, разврат и больная голова наутро. Тоже мне – удивил!

Раздражение переливалось через край. Я взглянула на море, моя компания резвилась и не собиралась возвращаться, а мне хоть в драку кидайся, только бы этот отвалил. Я сдержанно выдохнула и по слогам произнесла:

– Славно по-го-во-ри-ли. Прощай!

– Слушай, я все понимаю. Тебе нужно время подумать? Пожалуйста. Три дня достаточно?

Я чуть зубами не закрипела оттого, что так хотела вмазать этому проныре прямо в лобешник.

– Слушай, а морду тебе медом не намазать?– скалась, вставила я.

– Фу, как грубо для такой симпатяшки!– свел брови он, но не передумал.– Ты все-таки подумай.

– Симпатяшки в твоих кабаках на шестах пляшут. Думаю, ни одна из них не откажется от твоего щедрого предложения. А мне авторитетов потчевать как-то недосуг.

Ярослав впервые опустил глаза и слабо покачал головой. Наверное, я первая, кто была с ним так строптива и несговорчива.

– Из всей твоей тирады вынес только одно и самое важное: ты интересовалась мной.

– Кто же тебя здесь не знает, завоеватель мира? Только давай договоримся: я тебя не знаю, этого разговора не было, и разойдемся как в море корабли. Идет?

– Я так просто не сдаюсь. И ты от меня никуда не денешься.

– А это мы еще посмотрим!– раздраженно ответила ему и громко окликнула своих баловней.

– Поговорим через три дня,– прощальной интонацией сказал Ярослав, махнул ладонью «до свидания» и пошел в сторону своего ресторана.

Я прямо-таки обалдела, что совсем не в моем характере. Он всю дорогу говорил таким спокойно-уверенным голосом, будто для него не было никаких препятствий получить то, что хочет. А мое: не хочу, не буду, отвали и прочая ахинея – просто каприз девчонки, еще не догадывающейся, какое счастье ей привалило?! Ему нужно было стать дипломатом, чтобы с таким же невозмутимым видом вести переговоры.

Веселая команда вышла на берег и предложила искупаться мне. Но что-то больше не хотелось оставаться на этом пляже, а захотелось вернуться в свой сад, лечь в гамак и почитать «Космополитен». А еще меня ждали остатки маминых вареников.

О дурацком разговоре забыла почти тут же. Мало ли таких было в жизни. Мне не привыкать. На приемах семейства Белохвостовых сплошь и рядом красовались такие вот проныры с огромными кошельками за пазухой и с еще большим авторитетом, который, кстати, никоим образом не отражался на их воспитании. Сам Кирилл неоднократно предупреждал меня, чтобы не вступала в разговоры с подобными типами. Но ограничить мои контакты с ними он не мог, потому что они являлись его партнерами или, что еще сложнее, друзьями семьи. Поэтому все они липли, как мухи. А меня Кирилл всюду таскал за собой, чтобы, по словам госпожи Белохвостовой, сделать из меня светского человека. Водил, так сказать, на перевоспитание. Куда ж было деваться от «светских» разговоров, в которых через раз звучали предложения провести часок-другой в уютной, совершенно невинной обстановке?

О-о, как я выкручивалась! А мой Кирюша только поскрипывал зубами... Вернее, уже не мой, а может, даже уже чей-нибудь...

Интересно, чей? Такой мужчина не может долго оставаться один. А может, он никогда и не был один?

Нет, баста! Хватит забивать голову безответными вопросами. Это прошлое, и его надо похоронить под ворохом удовольствия и беспшашности. Я была для него лучшей женщиной, и такой у него больше не будет никогда! Пусть кусает пятки!

Вскоре мое решение – нет ночным барам – было отменено мной же. Отпуск заканчивался, вернее, нужно было возвращаться, чтобы забрать вещи из квартиры Кирилла и искать работу. Ведь нужно было содержать себя и маму, которой я не могла позволить жить на одну пенсию. К тому же маме требовались дорогостоящие лекарства. У нее был диабет. Вот и решила последний раз оторваться перед полетом в никуда.

Анна и Лизка соблазнили очередной дискотекой. Только теперь это был ночной клуб в другом конце города с забавным названием «Танцующие кальмары». У меня даже настроение резко подскочило, когда мы туда заявились.

Вау! Это был шикарный клуб. Наша Лизка-подлизка уже по своим каналам раздобыла бесплатные пропуска, поэтому пребывание в этом обалденном месте обошлось нам практически в три рубля. Удивительно, в свои тринадцать лет племянница была такой пробивной и смышленной! Она была похожа больше на меня, чем на Анну.

Разумеется, мартини и кола были снова у нас на столе, и еще орешки и фирменное блюдо клуба – кальмары (слава богам, они не танцевали, им мешал чудный сметанный соус!).

Сначала мы наслаждались кальмарами, потом глазели по сторонам, Лизка, разумеется, зажигала под Билана. А вскоре и мы с Анной подтянулись.

Как-то случайно взгляд упал на стол в конце зала. Сквозь приглушенный свет, или почти полное его отсутствие, на меня смотрели карие глаза.

Твою налево! Разве хомячки питаются кальмарами? Или этот клуб тоже был его собственностью?

Ярослав меня преследовал.

Я продолжала танцевать, не подавая вида, что заметила или узнала его. А для пущей убедительности, да и с азарта, станцевала что-то типа рок-н-ролла с первым попавшимся парнем, который был очень не против подрыгаться со мной.

По-моему, танец удался настолько, что уже не помнила, зачем так зажигала, а просто получала удовольствие. А парень, которого подхватила из толпы, оказался подвижным и с чувством ритма.

А потом началась какая-то муторная клубная музыка, и мы присели за свой стол. Лизка тоже сложила язык на плечо, хоть и хотела продолжать танцевать. Анну слегка разморило от коктейля, и она, откинувшись на спинку стула, лениво разглядывала окружающих и зал.

Если бы не Лиза, я бы и не вспомнила, кто сидел в конце зала. Она кивнула в ту сторону, указывая на фонтан в форме кальмара, и я снова увидела эти глаза.

Рядом с Ярославом сидели двое мужчин. Один – то самое хулиганистое бревно, а другого где-то видела, но не припомнила где.

– Уф-ф, что-то мне уже не весело. Может, пойдем, прогуляемся по набережной? Вечером такие звезды на небе, – предложила я.

– Тебя что, звезды начали интересовать? – усмехнулась Лизка.

– Нет, просто напилась, жарко, и хочу на свежий воздух, – сыронизировала я.

– Щас, посидим минут пятнадцать и пойдем, – согласилась Анна. – Лизавета Петровна, доедай свои орешки и допивай колу.

Лизка недовольно покусала трубочку для коктейля и принялась поесть провизию.

Я бы тоже осталась здесь до утра, но, правда, было душно. Да и весь кайф от вечера этот проныра обломал. Я оглянулась, чтобы подтвердить свои слова одним взглядом на него, но Ярослава уже не было за столом. Там сидели только его амбалы. Тогда осторожно, непринужденно оглянулась на зал. Его и впрямь нигде не было. Но только вернулась за столик к своим, как услышала за правым плечом этот знакомый голос:

– Добрый вечер, дамы!

Я оглянулась вполоборота. Ярослав был тут как тут.

– Полина, можно тебя пригласить?

– Куда?– натянуто улыбнулась, снова демонстрируя ему пренебрежение.

– Хотел бы к себе, но пока на танец,– улыбнулся он и подмигнул.

При родне не стала вести себя слишком бесцеремонно, да и люди вокруг были не виноваты в том, что один надоедливый тип испытывал мое терпение.

– Я не танцую!– сказала, как отрезала.

– Мне показалось или это ты так зажигательно сейчас танцевала рок-н-ролл вон с тем парнем?– не отставал он.

Я оглянулась на Анну и Лизу. Они преспокойно жевали орешки, опустив глаза и избегая моего возмущенного взгляда, как будто такое поведение мужчины было в порядке вещей.

– Это было соло,– тогда продолжила я.

– А-а, ты еще и пела? Не слышал, прости.

Похоже, он издевался. Ну а я не собиралась гасить пламя, которое вспыхнуло в груди.

– Слушай, раз ты такой грамотей, зацени еще одно понятие: я с набитыми кошельками не танцую. Уж больно они неповоротливые.

– Ладушки, потанцуем в следующий раз,– усмехаясь, будто не воспринимая мой тон все-ррез, ответил он, а затем шепотом добавил:– Завтра я тебя найду, помнишь?

И Ярослав вышел из ресторана, прежде махнув своим верным псам рукой.

– Не дождешься!– бросила в ответ и пренебрежительно сморщила лицо.

С другого конца зала из-за столика поднялись прихвостни этого оригинала и, усмехаясь мне в лицо, прошли вслед за хозяином.

– Ты что так с ним разговаривала?– спросила Анна, с укором покачивая головой, когда я повернулась к ней лицом.– А если б он тебе кулаком в нос дал?

– Он бы не посмел,– уверенно заявила я.

Хм, почему-то была в этом уверена? А если бы посмел?

– Ну и как бороться с твоей дикостью и дерзостью? Ну сказала бы, что не танцуешь, и все?

– Ну, началось. Ты мне еще морали не читала, как вести себя с мужчинами.

– Я же о твоём носе беспокоилась,– оправдалась Анна.

– Конечно. А сейчас ты скажешь, что он может подсторожить меня где-нибудь на улице и изнасиловать в кустах или на сиденье своего БМВ за оскорбленное самолюбие?

– Фу!– возмутилась сестра и покрутила пальцем у виска.

Лизка засмеялась. Анна покосилась на дочь и шлепнула по руке, чтобы та перестала «хрюкать» трубочкой в пустом стакане.

– Ты свободная женщина, могла бы позволить себе этот «набитый кошелёк»,– с умным видом сказала Лизка.

Мы с сестрой переглянулись и засмеялись, держась за животы.

– Да, «набитого дурака»,– поддакнула я.

– А почему нет? Он симпатичный.

И Анна туда же!

– Да ну вас! Тоже мне – свахи отыскались. После развода мне еще курортного романа не хватает для полного счастья.

– Вот именно: после развода и не хватает,– проницательно сказала Анна.

Я скрыла улыбку разочарования, но почувствовала, как что-то екнуло внутри.

– Да и не симпатичный он вовсе, – сказала я, чтобы как-то скрыть досаду, неожиданно обволакивая изнутри.

Куда ему было до Кирилла?!

Опять Кирилл? Ну, конечно, первый и единственный – он навек. Только это так, для смеха говорю себе. А на самом деле: плевать я на него хотела с самой высокой колокольни.

После клуба мы отсыпались, как мишки зимой. Мама разбудила нас на поздний завтрак. Это была яичница с болгарским перцем и помидорами. Так просто, но изумительно вкусно. Когда еще можно поесть домашнего блюда из яиц да мамино приготовления?

Почему дети все время куда-то стремятся от родителей? Я бы осталась тут навсегда! А что, очень даже неплохая идея? Только вот и здесь с работой проблемы. Да покруче, чем в Екатеринбурге.

После завтрака мы с Лизой пошли на базар, чтобы прикупить традиционные сувениры для друзей. Через два дня мы улетали.

Вот жаль! Лето только начиналось, а нам было уже пора.

Племяшка, как сорока, бросалась ко всему блестящему, шуршащему и звенящему: бусики из ракушек, заколочки с морскими звездами, колечки с сердечками и плейбойскими зайчиками, сережки с колокольчиками и косынки на бедра для танцев живота. Наверное, и я была такой в детстве? Смешно было на нее смотреть и вспоминать себя.

Сама же набрала разных практических вещичек: подставку для ручек из перламутровых раковин, ароматических свечей в традиционных морских мотивах и декоративные мешочки с морской солью. Мои обожали такие подарки. Галчонок, Валюшка, Индира и Машка всегда были рады моим сюрпризам. А уж они-то сами, отдыхающие в Греции, Турции и Монако, привезут такой заморской всячины, что диву дашься.

Удивительно, с Кириллом у нас ничего не получилось, а с женами его партнеров и друзей у меня сложились самые теплые отношения. Мы подружились буквально сразу после первого же приема у нас дома (теперь, вернее, не у нас, а у Белохвостова), и уверена, что будем общаться еще долго, если не вмешаются какие-нибудь обстоятельства, типа госпожи Белохвостовой. Ну, а с Верочкой мы уж точно навсегда. Она моя однокурсница и самый верный боевой товарищ.

А друзьям мужского рода накупила якоря: кому в виде сережки, кому брелока, а также запонок и галстуков. Колька, Васька, Макс и шалопай Витек – бравые дворовые парни, были, как братья. Одно время пришлось прекратить с ними всякие отношения, вплоть до банального приветствия по телефону, но, как только вырвалась из силков Белохвостовых, они опять приняли в свой клан, будто и не было между нами четырех лет молчания.

Итак, мы с Лизкой обшарили весь базар, прошлись по набережной, где стояли ларьки сезонных торговцев морскими сувенирами и засели в прибрежном кафе на одном из ответвлений центральной улицы Алушты.

Плетеные кресла были настолько комфортными, что мы с племяшкой съели не только мороженое, но и заказали шашлычок из форели, только чтобы еще немножко посидеть в уютном кафе. Лиза доложила последние новости в отношениях со своими ухажерами с соседней улицы и перспективы отношений с соседями напротив. Я как опытная в этих делах женщина насоветовала ей, как вести себя с разным типом мужчин, и убедительно попросила не быть похожей на меня в силе слова. Мое дикое «отвали» и «вольное слово» не есть гарантия успеха. Это я уже поняла с опытом, но любила себя такой, какая есть. Кому надо, тот поймет. Все лишнее – отвалит.

Повар, который готовил нам шашлык, предупредил, что придется подождать около сорока минут: вот-вот должны были подвезти рыбу. Но в очень жаркий день не спасала и крыша

кафе, сплошь увешанная вентиляторами. И пока нам готовили блюдо, мы с Лизкой решили спуститься к пляжу и окунуться. Купальники всегда были на нас.

Устроив заплыв минут на двадцать, мы вышли на берег и устроились на бетонных ступеньках, чтобы обсохнуть и вернуться в кафе наверху. У Лизки зазвонил мобильник, и она, довольно улыбаясь, отошла к воде. Ясно, это был очередной бой-френд. Я же осталась на ступенях и, встряхивая головой, чтобы высушить волосы, подставила лицо солнцу. Как же было хорошо на солнышке после морских ванн в ожидании обалденного шашлыка.

Сзади послышалось шуршание обуви по бетону, и я сдвинулась с центра ступеньки к краю, чтобы дать возможность людям пройти. Но шаги замедлились, а потом и вовсе прекратились. Открыла глаза, и сквозь темные пятна от солнца взглянула через плечо.

– Ну привет!– произнес Ярослав.

А сзади на самых первых ступенях стояли два его прихвостня.

– Здравсте,– ответила равнодушно, но была жутко недовольна его появлением: он нарушил мою гармонию с природой!

– Тебя нелегко найти.

– Ну, я вижу, у тебя нюх, как у собаки,– пренебрежительно проскрипела, отворачиваясь к морю.– Чего надобно, старче?

– Поужинаем?

Я оглянулась на мужчину и посмотрела точно ему в зрачок. Вероятно, по моему выражению глаз и лица, он догадался, что ему не рады. Могу заметить, что даже в льняной рубашке от «Дольче энд Габбана» и джинсах «Леджио» цвета слоновой кости он выглядел не как герой моего романа, а как местный авторитет, маскирующийся под интеллигента.

Однако он проигнорировал мое молчаливое раздражение, и на губах промелькнула усмешка. Похоже, требовалось разъяснение, что к чему. Я поднялась, деловито встряхнула головой и, расставив руки на бедрах, притворно-вежливым тоном объявила:

– Слушай, ты, что клинья-то мечешь? Не понял, что ли: не твоего поля ягода?!

– А что ты так упираешься?– недоуменно пожал плечами Ярослав.– Боишься, что ли?

– Тебя, что ли?– усмехнулась его самомнению и скосила глаза к носу.– Да я даже твоих прихвостней не боюсь, а тебя-то и подавно.

– Ты, что ли, моих парней стесняешься? Так мы и без них обойдемся.

Он оглянулся назад и еле заметно кивнул. Двое верзил, глазевших на нас, исчезли.

– Верно, обойдусь как-нибудь без вас,– заметила я.

– Ладушки, остынешь, поговорим снова. Я даю тебе еще день на размышления.

От его «ладушки» выворачивало наизнанку.

– Не поговорим. Нюх не достанет,– категорично усмехнулась.

– Уезжаешь? Ничего, вернешься – увидимся.

Вот прилипала!

– Не вернусь, дорогуша! Придется тебе с тоски помереть...

– Ничего, я подожду. К матери-то все равно в гости приедешь,– самоуверенно спокойно перебил Ярослав.

Я была поражена его осведомленностью. Нет, даже не этим, а упорством, с которым он давил на меня, и странным интересом.

Он легко встал со ступеньки и вальяжной походкой поднялся на площадку перед кафе.

Интересный экземпляр с точки зрения паразитологии! Было бы времени чуть побольше, я бы ему такой шухер устроила. Он бы проклял день, в который решил меня совратить...

Но, притормозив разбушевавшуюся фантазию, вернулась к Лизке, и мы пошли есть свой шашлык.

А когда после мы возвращалась домой по пляжу, впервые задумалась о человеке, от которого не было ни жарко, ни холодно, но он с раздражающим упорством лез в мысли. Черпая

горячий песок пальцами, получая невероятное удовольствие, словно запасаясь наперед теплыми ощущениями от этого сказочно-родного места, я перебирала в памяти моменты, когда впервые увидела Ярослава, и все полоумные разговоры с ним.

Как странно было это знакомство. Как-то нелепо, будто мы играли на камеру или нас кто-то слышал, и хотелось показаться не тем, кем мы были на самом деле. Может быть, это его стиль общения, но, точно, не мой. С чего я начала играть по другим правилам?

А вот знакомство с Кириллом было настоящей романтической историей... Нет, не историей, а мигмом. У меня до сих пор мурашки по коже пробегают, когда вспоминаю. Пожалуй, это единственное положительное воспоминание о Белохвостове, которое еще долго буду хранить в душе и даже беречь.

Да, беречь, несмотря на все произошедшее в моей жизни по его вине. Конечно, по его, не по моей же!

В общем, это было так...

Сочи. Ялта. Минеральные воды. Алушта... Я не знала, что выбрать. Хотелось на родину к маме, но и сменить впечатления тоже была не прочь. И вот, наконец, выбор был сделан: мы полетели в Сочи с однокурсницей Верой, так сказать, отмечать окончание универа.

Жизнь казалась такой неизведанной, богатой и яркой, столько всего ждало впереди.

Итак, мы поднимались на борт самолета ТУ-154 в полном предвкушении потрясающих каникул (последних каникул в жизни) перед выбором будущего пути. Учеба была окончена, теперь нужно было устраивать личную жизнь, выкладывать профессиональный путь. Глаза горели, улыбки не сходили с лиц, и звонкий смех разливался по всему второму салону.

Как назло, наши с Верой места оказались на приличном расстоянии друг от друга, потому что регистрацию проходили порознь. Из-за злобной тетки мы не смогли поменяться местами, пришлось довольствоваться тем, что выпало. Когда я уже присела, застегнула ремень безопасности, неожиданно моя соседка – злыдня поднялась и решила пересесть к своему мужу и внукам, договорившись с одиноким мужчиной, который сидел позади нас. Не успела сообразить, чтобы кликнуть Верку, как со мной рядом присел молодой мужчина, от которого пахло моим любимым мужским ароматом из серии Hugo boss. Я с любопытством оглянулась на него, а он на меня, и мы одновременно широко улыбнулись друг другу.

О-о! Это был симпатичный мужчина. Красавец мужчина! А как он был одет, у-у-у! Это было что-то!

Запах, стрижка, цвет глаз, осанка, внешний вид – все мое. Если бы еще его звали Кириллом, я оказалась бы на седьмом небе от удовольствия.

И представляете: его звали Кириллом!

– Кирилл, – неожиданно представился он, протягивая сосательные леденцы.

Я снова оглянулась и сразу поняла, что понравилась ему.

– Как настроение? – улыбнулся он, а от его голоса дикие мурашки разбежались по всему телу.

– У меня превосходное! А у вас?

– Теперь получше, как только освободился от маленьких монстров, – усмехнулся Кирилл и кивнул в проем между нашими креслами.

Сзади сидела та самая злыдня и двое ее пятилетних внуков. Самый ужасный возраст для детей, когда руки и ноги и шило в заднице никак не находили места в кресле.

Я согласно кивнула и тихо ответила:

– Да вы просто успели уйти живым. Какое счастье, что вам не пять лет!

Он рассмеялся.

– Я тоже рад, иначе вы сбежали бы от меня...

Я слегка смутилась, но только для приличия, потому что мысленно уже горела желанием продолжить наше знакомство на земле.

– Полина, – протянула ему ладонь.

Он нежно и, похоже, с удовольствием пожал мою руку.

– Очень приятно. Я заметил вас еще в аэропорту...

– А я не так наблюдательна, но теперь запомню вас надолго.

Его смутила моя откровенность. Темно-русые брови слегка дрогнули.

Ну, а потом он угощал меня орешками, рассказывал любопытные истории, попутно делал кучу комплементов. И я не могла отделаться от мысли, что хотела бы ему жутко понравиться. Но мой язык все сделал за меня.

Мы оба летели в Сочи и договорились обязательно встретиться там, обменявшись телефонами и адресами гостиниц.

Он не отводил своих больших серых глаз и несколько раз клятвенно заверял, что разыщет меня на лазурном берегу.

И Кирилл, в самом деле, нашёл гостиницу, где я проживала, и мы встретились.

Его взгляд был подобен молнии, пронзившей мое сердце насквозь... бла-бла-бла. Конечно, это было не так приторно сладко, но я втрескалась в него по уши.

Совсем забросила Веру и целыми днями, а то и ночами пропадала с Кириллом то на пляжах, то на экскурсиях, то в уютных кафе или ночных клубах. Все цветочные лавки поблизости от гостиницы знали Кирилла в лицо и имели колоссальную выручку: каждый день на моем столике красовался свежий букет цветов. И солнце было ярче, и море ласковее, и ветер нежнее. Я купалась в его внимании, особом внимании, которого мне не оказывал ни один из многочисленных ухажеров: тонком, оригинальном.

Я до сих пор вспоминаю его сюрпризы-памятки, которые не позволяли забыть о нем ни на минуту после очередного расставания на ночь. Входила в номер и спотыкалась о плетеную вазу с фруктами, которые потом поела у телевизора. Или в центре комнаты оказывался пучок разноцветных шаров, стремящихся к потолку, а вместо груза, не дающего шарам разлететься, была привязана коробочка моих любимых конфет «Вишня в ромовом сиропе». Или на моей постели приветливо ожидала большая мягкая игрушка с цветком или музыкальной открыткой в пушистых лапах.

Как он умудрялся делать такие сюрпризы, когда ни на секунду не отлучался от меня ни днем, ни вечером, и никому не звонил, и не разговаривал с персоналом гостиницы?!

Это было самое чудесное лето в моей жизни еще и потому, что неожиданно сбывались самые трогательные девичьи надежды. А самое главное, за курортным романом следовало будущее...

Но кто знал, что, когда войду в семью Кирилла Белохвостова, будущее сменит свои радужные краски на черно-белые?

Кирилл был уверен в себе, с тонким чувством вкуса и щедростью, а также, что покорило с первого взгляда, и я вбила себе в голову, что хочу стать его женой, – это его желание во всем быть первым и достигать поставленных целей. Ведь мне хотелось, наконец, найти мужчину, который решал бы все проблемы, а я бы пряталась за его широкой спиной.

Но проглядывались в нем черты честолюбия, полного подчинения родительской воле. В первые дни знакомства я только предполагала это, и, как оказалось, совершенно справедливо.

Позже на своей шкуре распробовала, что значит прятаться за чьей-то спиной, даже такой мощной, как у Кирилла. Не так-то это и сладко, когда решают не только твои проблемы, но и диктуют, как тебе жить, думать, поступать, что говорить, а где беспрекословно подчиняться. Причем, чаще всего это делал не Кирилл, а его многочисленные состоятельные родственники: мать, отец, две сестры и даже тетки...

Фу, кажется, воспоминания о нем уже начинали раздражать и вызывать до тошноты знакомое чувство обиды и злобы. Начало всегда бывает светлым, а по мере своего приближения к концу всё безвозвратно темнеет.

В общем, не получилось у меня с Кириллом, не получится и с этим кошельком на ножках. Хотя, что я на него взъелась? Мужчина как мужчина, захотел бабу, сказал ей об этом. Ну, немного не повезло ему – несговорчивая оказалась, ну, и ладно на этом.

Нет же, все придумывала, что могла бы ему сказать такого, чтобы он отвалил по-настоящему и уже ни на что не надеялся. А то как-то разговор остался незавершенным.

Ведь отыщет же следующим летом (ха, если братва не замочит!) и снова сунется со своим предложением.

А с другой стороны, в голове все крутилась мысль: а почему бы не закрутить роман с Ярославом? Я и, вправду, была свободной женщиной, как выразилась Лизка, что мне терять?

Но прекрасно понимала: такие, как Ярослав, просто используют женщин по назначению. О каком романе можно говорить? Меня вообще смущало то, что я об этом думала.

Так и вышло. По-моему!

Собирая чемодан в дорогу, я и не вспомнила об «угрозе» Ярослава на будущее. Я просто уезжала, и было тоскливо расставаться с алуштинским маем, маминым домом и садом, и, разумеется, самой мамой: я не знала, когда её снова увижу. Расставаться всегда было делом нелегким, но почему-то в этот раз было сложнее всего. Я знала, что меня ждет в Екатеринбурге, знала, что выход найдется, и все снова будет в ажуре. Однако теперь мама была единственным родным человеком, который мог меня приютить под своим крылышком. Анна не в счет: своя жизнь, свои проблемы. Друзей, какими бы закадычными они ни были, надолго не хватит. Абсолютной истиной было то, что придется выложиться не на шутку, чтобы занять свое жилье и найти работу, способную меня прокормить.

Ой, да боги наши, где моя не пропадала?!

На следующее утро, распрощавшись со всеми прелестями края, с любимыми местами Алушты и хорошими знакомыми, мы сели в маршрутное такси и отправились на автовокзал. Мама осталась дома, потому что свободных мест в такси не оказалось. Так было даже лучше: отрезать сразу, а не пилить по больному.

Мы ехали через весь город, и у нас была еще одна возможность запечатлеть в памяти цветущие уголки Алушты. Все-таки она была для нас родным краем: здесь родилась мама. Лизка уснула на плече, потому что ночью не спала, а пропадала на дискотеке. Анна, в который раз проверяла наши документы и билеты: она всегда очень нервничала перед полетом, а так успокаивалась. Из всех нас самолетов боялись только Анна и Сенька. И как бедный песик пережил перелет из Екатеринбурга в Крым, не представляю? А я от скуки невольно прислушалась к разговору, который вели две девчонки, сидящие напротив нас с Лизой и очень напоминающие собой девиц легкого поведения (одеты были под стать).

Отвратительно причмокивая жвачкой, одна говорила другой:

– Слышь, Катюха, Яра совсем озверел. Такой ведет пересчет всем нашим девкам, что скоро танцевать некому будет.

– Да знаю я. Меня тоже завернули. И чё ему не понравилось? Разделась, как надо, ноги задирала выше головы...

– Может, ему дать надо?– как лошадь, заржала первая.

– Девки говорят, что он с такими, как мы, не пачкается. Тоже мне – чистюля.

– Ой, да врут они, жабы. Он каждую вторую в Алуште имеет.

Твою налево, зверье мое! Какие бразильские страсти-то кипели в моей чистой, невинной, романтической Алуште. И опять я слышу про Яру!

– Вот именно, а он еще и женатый, ублюдок.

– Эх, и кто-то же тратит все его бешеные деньги!

Вот дура! Нашла, чему завидовать. Ну, конечно, если ты от роду только и умеешь, что задом вертеть, то никакой Олимп тебе не светит. А вот какой кайф, когда ты сама заработала все эти бешеные деньги и, потратив их, ни перед кем не держала отчета! Вот бабы – дуры!

– А где же его жена? Я была у него в доме и не видела никого.

– Да в Питере живет с сыном. Ты чё, хочешь, чтобы он разврату предавался у сынка на глазах? Кстати, а чё ты в его доме делала?

– Меня Стасик туда водил. Ну, пока шефа не было в городе, мы там немного покувыркались.

– А-а, этот, горилла который?

Вероятно, она говорила про бревно неотесанное, которое хотело меня порвать.

Ага, значит, бревно зовут Стасом, а шефа Ярой величают?! Отпадный имидж! Интересно, значит, этот Яра женат, и ребенок имеется? А еще имеется половина Алушты, вернее, ее «прекрасная» половина. Н-да, лихой парниша! Это очень удачно, что я не стала развивать наших отношений. А если бы он был симпатичнее, и у меня было бы другое настроение на тот момент? Бр-р-р, отвратительно! У Кирилла и то девчонок было меньше, чем у этого наглеца... Хм, а сколько девчонок было у Кирилла? Об этом история умалчивает.

И вот я сидела в кресле самолета и смотрела в иллюминатор. Юг быстро убежал куда-то назад. Шум двигателей нагнетал легкую тоску. Я возвращалась в серое лето, холодный город, с надеждой на светлое будущее, но такое далекое, где никто меня уже не ждал.

Разумеется, не пропаду. Вот еще! Только бы отхватить кусок побольше. Сразу дам сорокам заявку на работу, и за месяц что-нибудь найду. Главное, перекантоваться без проблем. Недельку у Верки, пару дней у Индиры, пару – у Галчонка, а дальше, как пойдет. И еще одно главное: снять квартиру или комнату подальше от районов, где обитает семейство Белохвостовых, где оно трудится и отдыхает. Видеть их всех больше не хочу. Ну а поужинать всегда можно заглянуть к сестричке.

И тут мне вспомнилось супероригинальное «Поужинаем?» Ярослава...

Ой, как же там его? Он же называл свою фамилию. Что-то еще тогда подумала насчет его фамилии? А-а, Македонец... Македонский... Победитель... Да, самовлюбленный, самоуверенный и амбициозный властелин жизни. Наверняка извращенец, избалованный деньгами повеса. А вообще, конечно, живет своей жизнью, делает что в голову взбредет. Свобода действий и власть над обстоятельствами...

И я бы ему позавидовала, да теперь сама была в свободном полете. Ну и что, что чуть-чуть без жилья, чуть-чуть без работы и без набитого кошелька? Фу, тоже мне – проблемы! Да на раз-два, и все будет в ажуре!

Полина, тебе нечего терять! Ну, почти, нечего: есть мама и маленький домик с садом. Нет, Полина, ты удачлива, тебе просто немножко не повезло с окружением. Ну, менее богата и не всеильна, но тоже ой-ой!

И хватит о прошлом!

Свободный полет начался, как только я распаковала чемодан и на следующий день пошла за газетой объявлений. Днем обзванивала все конторы, которые предлагали подходящие должности, а вечером мы с друзьями устраивали маленькую пирушку где-нибудь в ночном клубе.

На следующий день снова получала отказы или, что еще больше подзадоривало, усмешки после называния своей фамилии и прежнего места работы. Полину Сосновскую, бывшую жену Кирилла Белохвостова, никто не желал видеть в качестве работника в своей фирме, какими бы рекомендациями она ни обладала. У Натальи Андреевны Белохвостовой были длинные руки и ядовитый язык.

По-моему, и я что-то переняла от нее? Но сейчас не об этом.

Зато вакансий продавцов и обслуживающего персонала было завалилось. Верка уговаривала хотя бы на первое время принять одно из предложений, чтобы встать на ноги. Но меня было не пронять даже неплохой зарплатой. Тошнило от одной мысли, что буду кого-то обслу-

живать. Я столько насмотрелась, как вели себя богатеи с обслуживающим персоналом. Сама недавно была наблюдателем. И теперь оказаться по другую сторону, терпеть чьи-то капризы или откровенное хамство не собиралась.

А вот парадокс: на свободные места в парикмахерских меня не брали, хоть ты тресни. Я уже упоминала, что произошел один досадный случай, который и заказал мне дорогу в повелительницы расчесок и ножниц. Пожалуй, расскажу и о нем...

Однажды, когда еще училась в универе, решила немного подработать для того, чтобы свободных денег в кармане было немного больше, чем давала мама. Через хороших знакомых моей банды (так мы с дворовыми друзьями называли свою компашку) легко сделала разрешение на предпринимательскую деятельность и решила устроиться в ближайший от универа салон модных причесок. Оставалось только получить лицензию на парикмахерское дело (так уж было заведено в нашем городе после нескольких серьезных жалоб клиентов в торговую палату на качество услуг).

И вот я шла на прием к очередному бюрократу, чтобы тот выдал сертификат соответствия. В приемной никого не оказалось. Я, по глупому любопытству, заглянула в расписание секретаря и увидела свою фамилию напротив времени приема. Уже десять минут как я должна была сидеть в кабинете чиновника.

Тогда без всяких церемоний постучала в дверь кабинета и открыла ее. Там никого не оказалось.

Раздражающая пунктуальность, верно?!

Я огляделась и прошла к дивану. Только плюхнулась на взбитые сиденья, как услышала треск, характерный для рвущихся колготок. Я поднялась, и стрелка мигом выползла из-под юбки прямо на колено. А так как колготки были черными, то стрелка смотрелась отвратительно.

Я так взбесилась, оставаться в таком виде было нельзя - у чиновника все ж! - ну и решила их побыстрому снять. Снять не надевать!

По своей девичьей наивности или глупости, стала стягивать колготки. Пришлось задрать юбку; от наклона пиджак так натянулся на спине, что трудно было дышать: я его растегнула. Ну, а там, разумеется, ничего, кроме белья.

Ух! Сейчас, вспоминая это, просто лопнуть можно от смеха, а тогда было не до него.

Как назло, на самом интересном месте в кабинет вошли двое. Это был, наверное, чиновник, а с ним, очевидно, его жена.

У-у, что тут началось! Бюрократ не знал, под какой стол прятаться. Я думала, что она ему все волосы на голове вырвет, а меня покрошит на мелкие Полинки своим острующим маникюром. Но, слава богам, со мной обошлось, в плане растерзания, но эта горгона отомстила по полной программе. Держа в руках всю сеть парикмахерских салонов и салонов красоты в Екатеринбурге, эта дамочка сделала мне «хорошую» репутацию.

Вот так закатилась моя карьера медным пятакон под кровать. Но если бы удалось устроиться в какой-нибудь салон сейчас, мои душевные потребности и художественные способности были бы реализованы полностью.

После месяца скитаний по друзьям и подругам я, наконец-таки, разрулила все свои жилищные и экономические вопросы. С работой вот-вот наклеивалось. Меня брали барменом в одно неплохое кафе, разумеется, с перспективой менеджера кафе. А один знакомый моего знакомого сдал мне комнату, что называется, в кредит. Комната находилась за тридевять земель от центра и будущей работы, но главное – принцип дальности от Белохвостовых – был соблюден.

Ну, и что?..

В голое окно отсвечивала лампочка Ильича, корявые ветки громадного тополя царапали стекло и хлестали листьями – шум по ночам стоял невероятный. Голые стены с обоями в ужасный горошек и коричневый дощатый пол начисто вышибали весь энтузиазм каждый раз, как заходила в эту комнату.

После уроков заведывания бутылками, открывашками, стаканами, кружками и фужерами домой я появлялась к полуночи. А ведь это было только обучение. Что будет, когда встану за барную стойку, неизвестно...

Но мне и тут «повезло»! В кафе стали захаживать знакомые лица: друзья Кирилла, его знакомые, знакомые его знакомых и т.д., и т.п. Они, как истинные джентльмены, тыкали в меня пальцем и насмехались над моим теперешним положением. Конечно, это было деликатно, культурно, сквозь ангельскую улыбку.

Не удивлюсь, если об этом докладывалось Кириллу и госпоже Белохвостовой. Уж она-то не преминет указать сынку на то, как он ошибался, взяв меня в жены, и похвалить, что вовремя одумался и развелся.

Как бы хотелось размазать по ее лицу килограммы заморской косметики!

После третьей встречи уже с сестрой Кирилла (которая пришла, якобы, просто отдохнуть, а на самом деле убедиться в правоте сплетен обо мне и посмеяться в лицо) я, не дожидаясь, когда она подойдет и покажет змеиный язык, тут же заявила директору кафе, что место бармена свободно.

Нет, все это было не по мне! «Вороньём» меня не испугать, да и понимала, что ухватилась за это предложение только от безысходности: деньги заканчивались, и за жильё надо было платить. Комната ужасала своим комфортом, и, кажется, у меня начиналась аллергия на Екатеринбург, город, в котором выросла...

После всех поисков, встреч, разговоров, упреков, собственных размышлений решение переехать к матери пришло само собой и даже показалось самым рациональным из всех тех, что приходили в голову.

Ну, чем был плох берег Черного моря: вечная зелень (ну, почти вечная), свежие овощи – фрукты и тепло? Много тепла! А главное, я буду рядом с мамой и, наконец, перестану волноваться за то, что она волнуется за меня. Ведь в прошлом из-за своего несносного характера я столько всего натворила и заставила бедную женщину переживать. Помнится, в такие игры играла, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А теперь буду под присмотром, занята полезным трудом, не стану тратить время на поиски семейного счастья.

Алушта – это не какая-нибудь деревня, а целый «минимегполис» (да, маленький, уютный, теплый и родной мини-мини...). Мне будет там хорошо с мамой и Сенькой...

О своем решении рассказала только сестре. Она уговаривала остаться и не выдумывать проблем, связанных с жильем и работой.

– Все как-нибудь бы устроилось, и работа нашлась бы, – говорила Анна, но меня это не убеждало.

Возможно, одной из главных причин моего твердого решения была мимолетная встреча с Кириллом. Мы даже не разговаривали, но то, как он посмотрел на меня и то, как двинулся ко мне, огибая очередь в торговом центре, настроило решительно. Я не хотела грубить ему и не хотела сдерживать себя, поэтому быстро скрылась из виду.

Он не посмел бы укорить, он никогда бы себе этого не позволил после разрыва отношений. Гордый орел! Но в тот момент и не могла ничего ждать, кроме укоров. А на упреки у меня всегда была одна реакция: выстрел по самолюбию небывалым красноречием.

А что еще больше убедило в совершенстве идеи переехать к маме, так это то, что, садясь в поезд на Ялту (самолет уже не могла себе позволить), я ни разу не задалась вопросом: зачем Кирилл тогда шел ко мне? Было неинтересно, но не собиралась возвращаться в прошлое!

Мой неожиданный приезд, а точнее переезд, для мамы стал шоком. Но приятным шоком, хотя несколько дней она осторожно допрашивала: не случилось ли что-то, о чем молчу, не натворила ли чего-нибудь такого, что еще догонит меня, где бы ни спряталась? Но я поступила мудро: сказала, что нигде мне не будет так хорошо, как здесь, с мамой.

А разве это была неправда?

Устроившись в Алуште, прописавшись и встав на учет в службу занятости, сразу почувствовала, как это – жить на ограниченные средства. Я не была избалованной девчонкой или изнеженной женой нового русского. Всегда имела тот необходимый минимум, чтобы оставаться довольной своей жизнью. И теперь у меня всего было вдвое меньше, но, как ни странно, я не чувствовала себя лишенной благ.

Почти пять лет у меня было все, хотя мало, в чем нуждалась. Но еще студенческая привычка – обходиться тем, что есть, спасла после расставания с жизнью, полной удобств, шика и возможностей.

Как все было полярно в моей жизни с Кириллом! У меня было все, и одновременно я испытывала ужасный дискомфорт, будто должна была платить за то, что имею больше, чем другие. А на самом деле не имела ничего, кроме иллюзий о собственном счастье.

Нет, я не осуждаю Кирилла за то, что он почитал свою мать, как богиню. Но никогда не могла понять, почему любовь ко мне не перевесила всё? Ведь он любил меня. И еще как! Я помню это здоровское ощущение, когда тебя любят, холят и носят на руках. Только все это спряталось за продолжительными периодами нравочений Натальи Андреевны и все реже проглядывало сквозь суровые будни. Все, что у меня оставалось, – это семейные праздники. И то я быстро их возненавидела, потому что его семья диктовала настроение. Моя же семья вообще не принималась в расчет.

Первое время после развода даже с подругами не ходила на вечеринки, на дни рождения – срабатывала защитная реакция. Но в отпуске все наладилось само собой, и я вернулась к прежнему ритму жизни: веселушка, хохотушка, задира и немножко бандитка.

Ну вот, я все время возвращаюсь к мыслям о жизни с Кириллом. Конечно, это часть моего прошлого, громадная и значимая часть, не могу так сразу об этом забыть. Был получен колоссальный опыт, который, несомненно, сделал меня еще сильнее.

Итак, я переехала в Алушту. Родина матери стала и моей родиной. Я всегда любила этот край.

А как его можно было не любить? Триста солнечных дней в году!

Я, наконец, устроила себе на чердаке комнату, которую сто лет не могли привести в боже-ский вид. В отпуске не хватало на это времени: все отдыхали да развлекались. Но теперь-то у меня его было, хоть отбавляй.

Вместе с мамой мы подготовили сад к осени, а по сути, и к зиме тоже, закрыли рекордное количество солений и варений, заготовили овощи и засушили фрукты. Наш подвал кряхтел от переполненности.

И все, казалось бы, хорошо: и мама в настроении, да что там – счастлива от моего присутствия рядом, и я воодушевилась на планирование новой жизни, и даже Сенька, как будто заново на свет родился. Но вскоре вопрос о трудоустройстве встал сам собой. Предложений от службы занятости не поступало. А я – здоровая, сильная, предприимчивая – могла бы вывести нашу с мамой жизнь на более высокий уровень. Совесть не позволяла расслабиться и повиснуть на «тонкой» пенсии мамы.

К тому же я не могла сидеть за маминой спиной: быть домохозяйкой – это полностью противоречило моему образу жизни. Мамочка не понимала, что заставляло меня все время куда-то стремиться, бежать, искать. Мне всегда требовалось гораздо больше общения, чем, например, Анне и самой маме. Почему я не могла успокоиться на чем-то одном? Почему всегда

вызывала огонь на себя, и все вокруг меня кипело и крутилось в бешеном ритме? Даже Лизка была намного тише и скромнее, но тоже впитывала в себя все прелести этой жизни, как губка.

Ведь жизнь так прекрасна, как же можно было упустить все ее многообразие и богатство?! Как можно было решиться на что-то убогое только из-за безысходности, а не рискнуть всем, когда потенциал позволял?!

Разумеется, никто не укорял за прущую энергию, неугомонность, но людям, близко не знавшим меня, всегда казалось, что это испорченный характер, легкомыслие и распущенность. Часто поговаривали, что «без царя в голове». Но вот такая я уродилась: чуть против шерсти, и взрыв на макаронной фабрике обеспечен. Никогда не могла сдерживать эмоций. Оставалось только принять себя такой и все последствия характера. Да и какое мне было дело до чужого мнения, если мама – образец деликатности и высокой внутренней культуры (в прошлом работник департамента культуры) – гордилась мной?! К тому же были и у меня и жирные плюсы: отзывчива, не меркантильна, легка на подъем и честна (до безумия прямолинейна).

Вот поэтому поиском работы занялась обстоятельно. Для начала определила род деятельности, которым смогла бы заниматься без ущерба самолюбию, и тот минимум заработка, который бы устроил. Таких вакансий на всю Алушту было семь. А затем пошла на разведку непосредственно в те конторы, которые и предлагали их.

Шесть из названных уже были заняты, оставшаяся – просто впечатляла объемом работ, деленным на заработную плату. Полторы тысячи рублей (или двести пятьдесят гривен) за сорок два часа работы в неделю без социального пакета и каких-либо гарантий вообще.

После некоторых раздумий опустила планку требований и занялась рассмотрением еще пяти вакансий. Но в пяти из пяти снова не повезло. Не буду уточнять, почему. Скажу лишь, что за четверть из них скрывались не те, за кого себя выдавали в газетном объявлении. Однако расскажу про одно, последнее место, где чуть не набила морду работодателю.

Эта была какая-то дешевенькая конторка, которая промышленяла арендой малых помещений в Алуште. И всего-то в ней было три кабинета: начальника, приемной и бухгалтерии. Но на безрыбье и рак хвостун.

На вакантное место секретаря, оказывается, был конкурс: семь человек на место. Пока сидела в приемной, заметила, как из кабинета начальника «ООО» выбегали девушки. Одна – красная как рак, другая – бледная и растрепанная. Третья – как ошпаренная, застегивая пиджак, бросилась к выходу. Тогда не придавала этому значения, пока сама не оказалась на их месте.

Начальник конторы встретил с доброжелательной улыбкой, предложил присесть на диванчик и сам, расспрашивая меня об образовании и опыте работы, опустился рядом. Что-то сразу напрягло в его внешности, особенно во взгляде. Но не успела догадаться что именно, как он начал нагло приставать ко мне. Я с силой и воплем омерзения оттолкнула его, и тот упал на ковер. Выругалась по полной программе и кинулась к выходу, но дверь оказалась заперта.

– Так ты не подчинишься мне?! – задыхаясь от возмущения, с книжным пафосом спросил мужчина, имя которого напрочь вылетело из головы.

– Ах ты, ублюдок!

– А ну, стоять! – приказал он.

– Да пошел ты! – и бросила в него горшок с цветком, удачно попавшимся под руку.

А дверь открылась, как только хорошенько пнула ее: говорила же, дешевенькая конторка, и двери на соплях. Оставшихся кандидатур на место секретаря живо оповестила о способе приема на работу, и их как ветром сдуло.

Ну, не буду рассказывать, как в порыве бешенства разнесла еще половину приемной и на дверях конторы помадой (кстати, не самой дешевой) нарисовала огромный FUCK.

Вот такая вот была ситуэйшен.

В общем, с работой полный облом.

Но обстоятельствам меня не сломить. Я решила заняться своим делом – бизнесом, как говорят, и открыть парикмахерскую. Не удалось в Екатеринбурге, так здесь мне никто не мог помешать. А для того, чтобы занять немного начального капитала для оформления предпринимательской деятельности, организации помещения и закупки профессиональных средств, пожертвовала своими принципами и пошла ва-банк.

Мама поддержала мое решение и тоже начала рассчитывать наш скромный бюджет на месяц. При благоприятном раскладе выходило открыть мини-салон через полгода. Полгода – это не годы, потраченные впустую.

Я давно знала Абрама, хозяина продуктового ларька на нашем базарчике. Он сам часто стоял за прилавком. В его лавке всегда был свежий товар, большой ассортимент и постоянные покупатели. Мы с мамой были одни из них. В очередной раз заглянув в его ларек, я попросила пригласить хозяина на встречу со мной. Его младшая дочь Айжан созвонилась с ним, и через полчаса Абрам был на месте.

– Здравствуй, красавица!– поприветствовал он меня с теплым кавказским акцентом.– Опять в отпуске?

– Нет, уже в ссылке,– посмеялась я.– Абрам, знаю, что ты ищешь хорошего продавца?

– Ищу. Давно ищу. А ты предлагаешь кого-то?

– Себя. Я работаю у тебя полгода, а ты помогаешь мне организовать свое дело, а?– выдала прямо, без всяких намеков и хитростей.

Абрам задумчиво нахмурил густые брови.

– А што за дело?

– Салон стрижек. Я же знаю, у тебя много хороших знакомых. Что тебе стоит протолкнуть меня? Зато твой ларек будет в надежных руках. Стабильную прибыль и идеальную ревизию я тебе обещаю.

Говорила уверенно, по-деловому, смотрела Абраму точно в глаза и не сомневалась, что он откликнется на такое предложение, но не знала, какие условия может поставить.

Однако Абрам не поставил ни одного, ему даже понравилась эта идея. Он знал мою маму в юности, когда она еще жила здесь, и прекрасно знал меня, Анну и Лизку. Думаю, на тот момент идея с работой у Абрама была самая ладная.

– Хорошо, красавица, приходи в воскресенье, научу тебя вести ларек,– сказал Абрам на прощание и дал свою визитку с телефоном.

– А зарплату ты мне хорошую обещаешь?– смело улыбнулась я.

– Пятнадцать процентов от выручки устроит?– усмехнулся он моей наглости.

– Хорошо. В воскресенье я у тебя.

Довольная решением проблемы, я повернулась, чтобы уйти, как тут же столкнулась нос к носу с уже знакомым типом – Ярославом.

Македонец выглядел как-то иначе. То ли он сбросил с десяток килограмм, то ли волосы отросли, и его челочка стала даже привлекательной, то ли я стала лояльней.

Молча нахмурилась и сделала шаг влево, чтобы обойти. Но этот мужчина не собирался меня ни пропускать, ни отпускать.

– Привет!

Снисходительно отдала честь ладонью и сделала шаг вправо.

– Ты уже вернулась? Я очень рад. А как дела у Абрама?– спросил он, намекая мне, что слышал наш разговор с хозяином ларька.

– И откуда ты такой нарисовался? Чего тебе в твоих кабаках не сидится?– проворчала я.

– Узнал, что ты вернулась. Захотелось увидеть,– ответил он, будто это была правда.

Наверное, просто случайно оказался здесь, увидел меня и решил снова приколоться.

– Знаешь, у меня сейчас нет настроения трепаться,– огрызнулась я, вспомнив вдруг все, что он городил вокруг меня пару месяцев назад.– Раз уж ты здесь обитаешь, то, вероятно, все

равно узнаешь, что я здесь прописалась. Так что давай договоримся: ты не мешаешь мне, а я – тебе. Вот так просто, а? Слабо? Прикололся, и хватит.

– Ты с какой цепи сорвалась, Поляночка?– спокойно улыбнулся Ярослав и окинул мое лицо странным взглядом, от которого мурашки по коже побежали.– Хочешь, поговорим как цивилизованные люди? Просто поговорим, без лая и укусов.

Люди! Он прилюдно обозвал меня сукой! Ой, как в анекдоте... Черт бы его подрал!

– Не создавай проблемы. Поговорим?– продолжил он, оценивая выражение моего лица.

– Мне, знаешь, как-то серо-буро-малиново, какие там у тебя проблемы. По-человечески прошу, не отбирай у меня терпение и свободу. Уверяю, прикольных девочек здесь навалом. Да и в Питере тоже. Сказано один раз – отвали! Не люблю повторять!– сказала уже спокойным тоном предельно вежливо.

Он некоторое время смотрел не мигая и молчал. Я тоже не отводила глаз и молчала, готовя следующий выстрел на поражение.

– Я же сказал, что если чего-то захочу, то это будет у меня рано или поздно. И когда будешь со мной, приму твои извинения за такое поведение,– убийственно спокойно проговорил он и двинулся в мою сторону, обходя слева.

Я стерпела легкое касание его плеча, но, не оборачиваясь, ядовито усмехнулась:

– А жена принимает извинения за твое поведение?

Ярослав резко остановился. Я и не думала поворачиваться к нему лицом. Но потом еще несколько секунд ожидая его ответа, не выдержала и оглянулась. Его уже и след простыл. На меня только глазели местные торговцы и украдкой усмехались.

Точно! Сплетни о новом романе местного авторитета расползутся в один вечер. А также о том, что новая девка обломала его. Он мне этого не простит. Интересно, как отомстит? Ну, лишь бы не встретил в темном закоулке и не подвесил за ноги. А все остальное – просто суета.

Один выходной я полностью посвятила изучению с Абрамом торгового дела. Жутко не хотелось торчать за прилавком до трех часов дня, это было не мое, но ничего другого не оставалось. Это был удачный обмен услугами.

Работая в торговом ларьке, обзавелась новыми знакомыми: подружилась с двумя прикольными девчонками моего возраста, и у нас быстро сложился клубец по интересам. Танька и Ларка показали одно неплохое местечко, где были дешевые напитки, закуска и классная музыка. Мы стали посещать его почти через день.

Надо же было как-то развлекаться!

Это, конечно, не тот уровень, что заводил, но в ситуации строгой экономии я была рада и такой отдушине.

Ах да, не сказала главного: это был один из немногих баров, не принадлежащих Македонцу. И это было еще одним плюсом.

Мама, разумеется, была мало довольна тем, что я возвращаюсь поздно, но тягу к свободной энергичной и беспечной жизни было не унять. Она потихоньку смирялась. В конце концов, я могла постоять за себя. Не зря в детстве во дворе меня называли пацанкой. Забубенить пинок в пах какому-нибудь недоумку было милым делом. Этот навык сохранился до сих пор. Более того, он стал отточен и, как никогда, решителен.

Однако вскоре оказалось, что работать продавцом не так просто, как было на первый взгляд. У меня все время шла недостача. То там то сям недоставало товара: грамма, килограмма, упаковки, баночки, коробочки. Я не понимала, каким образом это происходит? И потом, регулярно приходилось таскать на себе коробки с товаром, потому что помощника не оказывалось рядом, а время – деньги. Это была жутко грязная и не чистая работа – и в прямом, и в переносном смысле. С каждым днем я теряла настроение и раздражалась все сильнее. Вскоре стала просто срывать на покупателей, и это работало против меня.

Господа боги, и почему у Кирилла оказалась такая ядовитая семейка?!

В один из будних дней, когда я была занята работой: тащила на себе десятикилограммовую коробку с халвой (и кляла ее, на чем белый свет стоит), словно нарочно подгадав момент, на глаза попался Ярослав Македонец.

– Ну, как работается, Полиночка?– мягко спросил он.

Придушила бы на месте только за то, что он стоял и наблюдал, как я тащила на себе тяжесть, не говоря уже о том, что была предельно раздражена его появлением.

– А что, незаметно? Я просто в ударе!– процедила сквозь зубы и ушла за прилавок.

– Вижу, ты созрела для разговора,– уверенно продолжил он.– Сегодня буду ждать тебя в баре-караоке на пляже, в шесть.

Не успела отреагировать на его слова, как Ярослав растворился в толпе покупателей.

Оригинально!

Весь день была в ужасном настроении, потому что самой пришлось разгружать пиво из газели, разбираться с продавцами напротив, которые устроили склоку, черт знает из-за чего, и просто кошки на душе скребли.

Полина, как ты могла до такого дойти?!

А в пять наконец-таки управилась с ларьком вместо обещанных трех часов дня. На всех базарах и рынках работа заканчивалась уже в два, в полтретьего, а я все копалась в накладных и выискивала ошибки. Приехал Абрам, забрал выручку, и я пошла домой.

Так хотелось сходить куда-нибудь с девчонками: в клуб, в кафе, на пляж, отдохнуть, а то совсем перестала чувствовать себя человеком, – но спина ныла, и ноги подкашивались. А в голове, как отбойный молоток, стучала мысль: я больше не вернусь в ларек!

Сегодня была брошена последняя капля в чашу моего терпения: я поняла, кто все время подгаживал в ларьке и усложнял мою жизнь. Мириться с этим не собиралась...

Что делать дальше не представляла. И вдруг в памяти всплыли слова: «... буду ждать тебя в баре-караоке на пляже, в шесть».

«На пляже? В шесть? Вот нахал! Да никуда я не пойду!»– решила твердо и тут же свернула в сторону пляжа.

На площадке бара-караоке не было ни души. Тихо играла инструменталка, мирно жужжали потолочные вентиляторы, и официанты протирали столы и барную стойку.

Я прошла к ближайшему столику, решительно отодвинула стул и присела. Меня никто не попросил выйти. Только, немного погодя, официанты и бармен незаметно растворились в воздухе. Я осталась одна в большом зале.

Интересное кино! Что я здесь делаю?!

От нетерпения и любопытства стучала ногтями по столу и прислушивалась к шорохам со стороны барной стойки.

Когда за спиной послышались легкие спокойные шаги, даже не обернулась, а только еще ярче выразила в позе, что чувствую себя совершенно уверенно, что не намерена сдавать позиции и вся эта ситуация меня только развлекает.

– Что будешь пить?– без лишних церемоний спросил Ярослав, появившись в поле зрения.

– Огласите меню,– снисходительно ответила я, наблюдая за каждым его движением.

– Мартини с соком?

– Предсказуемо, но нет.

– Полина, ты с работы, верно? Может, легкий ужин?

– Боюсь, кусок в горло не полезет.

– Ладушки, тогда сок. Не люблю нетрезвых женщин.

Ярослав махнул рукой, и в ту же минуту бармен вынес поднос со стаканом сока и стакан то ли с коньяком, то ли с виски.

Какой же слухач!

– Выдрессировал ты своих людей,– усмехнулась, вежливо улыбаясь бармену.

– Это мой бизнес,– ровно ответил Ярослав.

– Ну, не тяни резину. Что ты еще мне не сказал?– поторопила его.

Он подпер подбородок сплетенными в замок пальцами и внимательно стал рассматривать меня. Тогда я и приняла ту же позу и следовала каждому его жесту.

Ярослав еле заметно усмехнулся и опустил глаза. Я вдруг почувствовала, как все это нелепо, и буквально начала закипать.

– Думаю, тебе больше нечего сказать. Да и мне тоже,– резко поднялась и рванула сумку со спинки стула.

– погоди, не горячись,– остановил Ярослав.– Присядь...

Видя, что не подчиняюсь, он еще мягче проговорил:

– Пожалуйста...

Ладно. Зачем-то же меня сюда принесло? Пора завершить этот тянувшийся с прошлых веков разговор раз и навсегда.

– Пожалуйста,– передразнила в тон и снова присела.– Давай покороче и по сути.

– Я давно пытаюсь по сути, но ты как-то жжешь без разбора.

Н-да, неплохой базар у нас с ним. Так и быть, приторможу.

– Что ж, я тебя слушаю,– проговорила с одолжением и демонстративно посмотрела на часы, чтобы показать, что нет на него времени.

Ярослав придвинул стул ближе к столу, повертел свой стакан в руках и с вдохновением выдал:

– Хочу видеть тебя каждый день.

– Да, пожалуйста, номер моего ларька – тридцать семь,– не удержалась от укола и рассмеялась.

Он улыбнулся уголком губ, показывая, что не принимает мою неприязнь всерьез.

– Ты же взрослая девочка, неужели не понимаешь?– откровенно рассматривая меня, выдохнул он.

– Понимаю,– иронично кивнула.– А как же жена, дети и штабеля алуштинских девчонок?

– А ты еще та змея! Но ты мне нравишься,– парировал Ярослав.

Хм, дождалась комплимента! О'кей, ты еще наглотаешься моего яда!

Я не верила ни одному его слову. Так не бывает. И этому не бывать!

– Ты не любишь нетрезвых, а я не люблю бабников. Представляешь, у нас крайне разные позиции?

– Никто не посягает на твою позицию. Просто будь моей женщиной, и все,– не отставал он.

Я расхохоталась в голос. Но взгляд его оставался серьезным.

– Слушай, ну какой ты зануда! В твоей жизни все так просто, да?– раздраженно повысила голос я.– Захотел одну игрушку – нате, пожалуйста, захотел другую – умоляю, возьмите!

Ярослав с укором покачал головой, но сказал другое:

– Я уже взрослый, в игрушки не играю. Я не прошу тебя выйти за меня. Не понравится – скатертью дорога.

– Ага, а если не понравлюсь я – пинком под зад?

– Не думаю...

– Эй, ну хватит басни петь!– вспыхнула я.– Что, приспичило заиметь меня, и все тут? А если ты мне просто не нравишься?

– Понравлюсь,– заявил уверенно.

Чуть не подавилась соком от его самомнения! Но взяла себя в руки: огнем ничего не решить, сдержанно выдохнула и медленно поднялась из-за стола.

– Я понимаю: все или ничего – это твой жизненный принцип. Но у меня другой принцип: с женатиками не встречаюсь. Не заставляй меня объявлять тебе войну.

Все это я сказала в таком тоне, будто действительно была способна учинить третью мировую. Но очень хотела бы, чтобы эти переговоры не имели последствий. Здесь, в Алуште, я была беззащитна. Все, что есть в арсенале – это мой язык и вызывающая, часто неоправданная смелость.

– Полина, Полина, ты делаешь скоропалительные выводы, – снова попытался остановить меня Ярослав. – Ты ведь ничего обо мне не знаешь.

– Мне о тебе, кроме того, что не тронешь меня и мою семью, ничего знать и не надо.

– Ты держишь меня за какого-то бандита просто! – засмеялся Ярослав.

– Насчет твоих секьюрити – определено. Но ты просто повернутый на девках легкого покроя. Я – тебе не по зубам!

– Ну, может быть, хоть дашь попробовать? – посерьезнел он.

– А вот хамить не надо!

– Я в другом смысле...

– А мне плевать!

– А я ведь не отстану! – тоже поднялся он, шурясь своими карими глазницами.

– Знаешь, я попробую тебя дослушать, если ты скажешь, что надо сделать, чтобы ты отстал от меня? – выговорила, скрипя зубами.

– Не отказывать мне, – последовал немедленный ответ.

Слов не было! Орать было бесполезно, истерить – глупо, а нормальных слов он не понимал. Такие экземпляры на пути еще не попадались. Бывали психи, бывали хамы, но этот пёр, как танк, и не вёлся ни на одну пулю.

– Бармен, мартини с водкой один к одному, – потребовала я и, нервно скрестив руки на груди, села на край стола спиной к Ярославу.

Он глухо выдохнул.

– И плевать мне, что ты не любишь!.. – опередила я его замечание.

– Пожалуй, тебе нужно расслабиться, – согласился он и присел рядом.

Я пренебрежительно покосилась на него и отвернулась в другую сторону. Он глубоко вздохнул и довольно искренним тоном заговорил:

– Я с женой давно не живу, а не развожусь только из-за того, что хочу сына видеть, да и все-таки брак защищает его от многого. Я езжу в Питер раз в два месяца, отмечаюсь, что называется... Скучаю по Ромке безумно, но жить там не могу. Забрать его тоже не могу, она не отдает. По судам таскаться не собираюсь. Да и какую жизнь я могу обеспечить сыну? У меня бизнес, я всегда занят, просто не будет на него времени. Поэтому стыдиться мне нечего, я свободный мужчина, и живу так, как мне хочется. Все довольны.

– А ты не против, если я тоже так хочу жить? – выслушав его откровения, спросила с грустью.

Он взглянул так, будто не понимал, о чем говорю. Ведь сулил золотые горы, а я открещивалась от даров, как от сатаны. А секунду спустя подтвердил мои догадки.

– Разве то, о чем я прошу, связывает тебя по рукам и ногам?

– Да нет. Ты просто камень на шею и в бочку с цементом, – спокойно высказала я, но откровенно хотелось рассмеяться в лицо.

На что он надеялся? Ну не нужен он мне! Хотя, кто знает, что может дать союз с Ярославом?! Не такой уж он был и страшный, что плевать хотелось. Вот упрямый – точно.

– Полин, а может, рискнем? Обещаю, ничего против твоей воли не случится, – слегка подтолкнул плечом Ярослав. – И жалеть тоже будет не о чем.

Я оглянулась и оказалась так близко лицом к лицу с ним, что почувствовала теплое дыхание на коже. Он так мягко улыбнулся, и это был первый раз, когда не ощутила мгновенной неприязни к этому мужчине.

Бармен подал мартини с водкой. Я молча выпила бокал залпом и, выпрямив спину, прошлась по пустому залу.

Солнце тонуло в море. Мягкий свет и теплый ветерок с пляжа плюс мартини утомили мою заносчивость. Я вышла на ступени бара и присела, свесив ноги за перила.

Ярослав медленно подошел к деревянному бортику, огораживающему зал, и, облокотившись, остановился рядом.

Я подняла голову, внимательно посмотрела на мужчину и, прищурившись, спросила:

– А вот интересно, что представляет собой твой бизнес?

– Ну, об этом тебе совершенно не нужно думать, – уклонился он.

Очевидно, что рыльце-то было в пушку. Как же повезло: подцепила на хвост гангстера.

– Тогда, какие у нас с тобой могут быть разговоры, дела? Ты, похоже, нечист на руку, в любой момент станешь для кого-то лишним. А я пойду в расход, как свидетель или сообщница? Что-то меня эта перспектива не вдохновляет.

А что, и вправду, это может оказаться недалеким будущим?!

– Ты где таких понятий нахваталась? – весело рассмеялся Ярослав, будто перед ним сидела Клара Новикова с очередным монологом.

Он просто смеялся надо мной.

– Какая разница, как это сказано? Смысл все равно один.

Он посмотрел на меня изучающим взглядом, затем отвлекся на прибывающие волны, сам себе улыбнулся и выпрямился.

И почему-то показалось, что так просто этот разговор не закончится.

– Для успокоения твоей души я немного просвещу...

Какое одолжение!

– Как ты уже знаешь, я владею несколькими ресторанами, кафе и барами в Алуште. Не секрет, как ведутся дела у всех крупных предпринимателей. Подмазываем все службы по очереди: санэпиднадзор, пожарных, милицию, налоговую, еще пару контор местного разлива. Единственное, в чем чист, так чист, так это в криминале. Наркотики и оружие не продаю. Людей не мочу. Я не такой уж крупный предприниматель, но стараюсь выдержать конкуренцию и договориться с законом. А все остальное мимо меня.

– А как же твои головорезы? – усмехнулась я. – От чего бережешься?

– Ты про Стаса и Серегу? Они защищают меня от шпаны, которая возомнила себе, что имеет право посягать на чужое добро. Серега, кроме того, что охранник и водитель, еще и мой помощник. А Стас так, для массы и устрашения, иногда выполняет легкие поручения.

– Да, на большее он не годится, – подумала вслух.

– Брось, они совершенно безобидны.

Н-да, впервые, когда увидела это бревно, я бы так не сказала!

– То есть ты гарантируешь, что общение с тобой совершенно безопасно?

– Ну, иногда на полнолуние я буйствую, раздражаю несколько козочек... А так, очень даже ничего, – улыбнулся Ярослав.

– Угу, белый и пушистый!

– Можно и так сказать, но лучше – мягкий и шоколадный.

– Да, сам себя не похвалишь, – подметила я и встряхнула головой от ударившего в голову спиртного.

– Ну, что, прошел по конкурсу? – спросил Ярослав, заглядывая в глаза.

– Не знаю. Не внушаешь ты мне доверия, – заявила прямо, отвернувшись к морю. – Уж больно ты стараешься.

И впрямь предложение было заманчиво. Но это уже подумано на пьяную голову, и я чувствовала, что ни к чему хорошему эта связь не приведет.

– Через три дня я уезжаю по делам. У тебя будет около двух недель... – начал он.

– Хм, опять устанавливаешь сроки? – поддела я.

– Я привык к определенности.

– В моем случае это противопоказано. Ничего у нас с тобой не получится, дружок. Удачной поездки! – равнодушно проговорила и поднялась.

Медленно спустилась по ступеням на пляж и побрела по кромке воды в сторону своего дома. Как странно, он не пошел за мной, а только крикнул что-то типа «До встречи».

А по вечерам становилось уже прохладно. Осень надвигалась в полную силу. В жутком ознобе я добралась домой и рухнула на подушку, не сходя в душ и не поужинав по-человечески. Мало того, что в голове был полный переполох из-за спиртного, обрывки разговора с Ярославом стучали в висок, где-то над всем этим в судорожном трепете билась мысль, что завтра должна выходить на работу. А ведь больше не собиралась туда идти.

Что было делать?

Еще пять месяцев, и Абрам помог бы с бизнесом, но всех моих женских сил не хватало на ту работу, что выполняла в его ларьке. Абрам, может, и был приличным человеком, да неприличными оказались отдельные члены его семьи. А доказать, что я не виновата в недостатке, было практически невозможно.

За прошлый месяц у меня вышло девяносто гривен зарплат. Не знаю, что дальше нужно было делать? Но на пьяную голову не собиралась ничего придумывать и решать.

Полину Сосновскую еще никогда не осаждали мужчины, которых она не выбирала! Такого напора и терпения в попытке заполучить меня, я еще не встречала. Ярослав был мне не нужен, не нужны и его деньги, связи. Хотя... Связи – это то, что могло открыть дорогу к своему делу.

Местные бюрократы, а попросту, монополисты и взяточники, не подписали очередное прошение о выдаче лицензии на салон стрижек. Об этом узнала наутро, когда сказала маме, что больше не работаю у Абрама. Телефонный звонок просто вышиб из меня все настроение и терпимость к чиновничьей политике.

Мгновенно вспыхнуло желание что-нибудь сотворить такое, от чего настроение улучшится, а чье-то ухудшится раз в пятьдесят. От этого желания уже отделаться не могла, поэтому подговорила Ваську и Валерку, племянников тетки Глаши, чтобы те нашли надежных людей, с которыми не нужно будет встречаться лично, но по заочному уговору те выполнят поручение за вознаграждение.

Васька обещался найти нужных людей быстро. Дело должно было выгореть.

Ох, и пакостница же я была!

Разговор с Верочкой по телефону вдохновил на размышления о перспективах отношений с Ярославом Македонцем. Я все ей выложила начистую, и подруга посоветовала не спешить с «отвали моя черешня». Никогда не слушалась чужих советов, но ее мнение и пара аргументов в пользу Ярослава почему-то навели на мысль хотя бы поразмышлять о его предложении.

Но долго думать об этом не смогла. Вообще не прельщала мысль, что за мной почти ухаживал, или, точнее выразиться, – клеил один из самых крутых бизнесменов Алушты. Я просто забросила эту заморочку в дальний ящик.

Так же я забросила и Абрама.

Ох-х, как он злился и брызгал слюной, какие слова говорил на своем нечистом русском. Боги, я и не знала, что он такой знаток русского матерного фольклора, что так вспылчив и нетерпим!

Но слава-слава, Абрам был отходчив, и уже на следующей неделе после моего ухода снова улыбался и шутил. Ну, не мог же он меня ненавидеть? Ведь я была просто душка!

Короче, я вновь была под конем. Меня бесили это состояние и обстоятельства, которые не давали развернуться. Танька и Ларка поддерживали мой дух ежедневными прогулками по Алуште и танцами в клубе. Но все это было похоже на таскание разгульной душонки, а не на чистое развлечение и удовольствие.

Однако депрессии меня было не пронять. В очередной поход с девчонками в дешевый бар я оторвалась от всех своих проблем, выпив целую бутылку текилы.

Целую! Представляете?!

К теперешнему удивлению, меня держало на ногах, и даже выделяла такие па, что зажигала всех вокруг.

Теплый сентябрьский вечер удался на славу. Голова гудела, каждая мышца горела в желании выкинуть какой-нибудь фортель, и хотелось хохотать до полной отключки. Танька и Ларка еще никогда не видели меня такой расторможенной, было похоже, что они не ожидали такой прыти. Я просто ураганила. Представляю, как смотрелась со стороны. Но тогда меня это не тревожило.

Только в один момент остановилась, закрыла глаза и решила выйти на свежий воздух. Подружек оставила отдыхать от меня.

Голова так сильно закружилась, когда вдохнула прохладный ночной воздух Алушты. Огни загородной улицы повели за собой, и вскоре я оказалась на пляже. Песок еще не остыл от дневного солнца, и вода тихо подпевала мне и моим волнам в висках.

Руки и ноги стали просто плетями, и я уселась прямо в воду на линии прилива. Юбка прилипла к коленям, от брызг и майка облепила грудь. А я раскачивалась в ритме волн и пела привязавшуюся песню Софии Ротару «Я твоя любовь». Огни набережной отражались в воде, и в глазах двоилось. Напивалась я редко, но метко. Где-то на далеком, очень далеком заднем плане мельтешила мысль о том, что надо привести себя в порядок, чтобы не показаться такой на глаза матери.

Ну зачем ей лишние переживания и разочарования? Тем более, ничего плохого я не сделала. Просто напилась, как хавронья. И нет ничего здесь страшного! Кроме того, что немного пострадает печень.

Но вот что удивительно: меня еще никто не приводил в трезвое состояние так, как это сотворил господин Македонский.

Тьфу ты, Македонец!

Он появился неожиданно. Хотя, могла ли вообще что-то ожидать в таком состоянии? Я конкретно тормозила, упиваясь своим состоянием легкости, даже сказала бы, невесомости. Но Ярослав оказался у меня над головой. Оказывается, я уже не сидела, а лежала на песке, омываемая водой до самых плеч. Наверное, утонула бы, если бы не появился спаситель.

Честно говоря, плохо соображала, что делала. Но вдруг его взгляд и странная улыбка будто ударили по щекам и вернули в состояние легкой нетрезвости.

Я закрыла глаза и усмехнулась своим ощущениям в тот момент.

Представить только: я, такая деловая, такая неприступная валялась на песке в полном улете от текилы, с головой, напоминающей молот и наковальню (в висках так стучало, что глаза выкатывались из орбит).

– Веселишься?– спросил Ярослав.

– Ага,– все, что смогла ответить, пока приводила мысли и выражение лица в более пристойный вид.

– Помочь?– снова спросил он, наблюдая, как я медленно поднимаюсь и сажусь на песок.

– Не-е, не надо. Я все умею сама...

Он усмехнулся, правда, почти незаметно, чтобы не увидела, но я была очень наблюдательна: алкоголь открывал скрытые резервы психики. Даже затылком почувствовала, как он пялился на мой зад и бедра, облепленные мокрой одеждой. Но этот факт сейчас волновал меньше, чем тот, зачем он появился здесь.

И почему он опять меня нашел? Как? Будто нюх у него был, как у собаки. Нюх на меня.

Когда оказалась на ногах и пригладила мокрые и растрепавшиеся волосы у лица, Ярослав поравнялся со мной плечом и, глядя в открытое море, спросил:

– Ну, что, поедem ко мне?

Я не сдержалась и закатилась от смеха.

Он что, думал меня подловить в таком состоянии? Думал, я спяну ничего не пойму, а там поздно будет отнекиваться?

Вот так и случаются неразборчивые связи и головная боль на долгие месяцы от жуткого ощущения своей непорядочности.

Ну... нет. Я не предоставила ему такого удовольствия. Взяла себя в руки. Хоть тело все еще подводило (конечно, мысль не умеет так скоро бороться с химией и физикой), но сознание построилось по стойке смирно. Немного мешала головная боль, но мой хвост, который периодически был пистолетом, не мог повиснуть.

– А зачем к тебе? Можно и здесь попробовать?– ответила, когда просмеялась.

Его лицо было серьезным, а взгляд задумчивым.

Что-то он задумал?!

А дальше разговор получился сам собой. Слово за слово и вышло то, о чем и вся моя история...

Сначала мы шутили, он подкалывал моим сегодняшним состоянием, я глушила его своим «красноречием». А потом мы сидели на песке почти у воды и сплетничали, как давние подружки. То ли я все еще была пьяна, то ли и вправду было легко с ним говорить?! Он был чужой, но понимал мой юмор и поведение. Он принимал меня такой: легкой, несносной, резкой, рвущейся вперед, словом – авантюристкой с плохим характером. А мне было плевать, было ли это искренне, или под влиянием настроения этого вечера.

Но вскоре разговор перешел границу разумного (в моем трезвом понимании), а я продолжала поддерживать его.

– Ладушки, Полин, что ты хочешь взамен того, чтобы стать моей женщиной?– просто спросил Ярослав и склонил голову мне на плечо.

– Ой, опять ты со своим недержанием?– громко рассмеялась я.

– Ну, хватит, Полин, ты же взрослая девочка?– улыбнулся он и подтолкнул плечом.

– Слушай, взрослый мальчик, а ты серьезно взялся за меня, да?

– Абсолютно права!

– О'кей. Значит, последнее слово за мной?

– У тебя редкий шанс,– иронично согласился Ярослав.

И в этот момент текила сыграла свою роль. Я просто помыслила, что могу выгадать от этого знакомства, не тратя время в продуктовом ларьке и в прочих подобных местах.

Ну, подумаешь, парень как парень!

– А если я соглашусь, ты готов играть на моих условиях?– вылетело само собой.

– На каких, например?

– Ну, например, сколько бы ты мог отдать за свое дикое желание в денежном эквиваленте?

– Ты хочешь, чтобы я заплатил за возможность иметь такую женщину, как ты?– с усмешкой спросил он.

Я весело пожала плечами и оглянулась на него.

Он действительно был серьезен в своем решении?!

– Я всего лишь привела пример.

– Ну...

Он помолчал, затем осмотрел меня с ног до головы, как невольницу на рынке рабов, и снова как-то загадочно улыбнулся.

– Если без оценочной комиссии, – начал иронизировать Ярослав, – то я бы не пожалел и миллиона.

– А он у тебя есть? – спросила прищурившись, внутренне усмехаясь предложенной цене.

А потом вдруг предположила, что он говорит об «у.е.», и сразу как-то погорячело в желудке.

– Если поскрести по сусекам, – со странной уверенностью заявил он, будто и в самом деле был готов выложить за меня миллион.

Хотя, если он не шутил, я должна была гордиться собой, что достойна такой суммы, а не жалких триста долларов, как местные элитные девушки по вызову. Но гордость – это не то чувство, которое было уместно испытывать в данной ситуации. Это абсурд!

Ну вот! Что это? Я уже сравниваю себя с проституткой! Ужас! Ну, ладно, а как это еще может называться – любовь за деньги? Фу, какая мерзость! Все, пошутили и хватит!

Все то время, что размышляла над собой и словами Ярослава, пытаюсь сосредоточиться: «В чем же здесь соль?», он смотрел внимательным взглядом, будто пытался угадать, о чем думаю. А я протрезвела еще сильнее.

Н-да, текила потеряла силу – деньги на ветер!

Идея была сумасбродной и, в некотором смысле, унижительной. Хотя в его словах и взгляде не находила усмешки или хамства. Он желал заполучить женщину любым путем. И меня вдруг пробило на азарт.

– Да-а, похоже, мы держим курс на контракт? Или нет, на трудовой договор?

– Не думаю, что эта терминология уместна в нашем случае.

– Ой, в нашем случае неуместна любая терминология, – заметила с улыбкой, но было уже не до смеха.

Сделала вид, будто всерьез задумалась над его словами. Вряд ли в трезвом состоянии вообще могла бы такую чушь даже в мыслях. Но это было именно так, и я ощущала себя и комфортно, и нелепо. Сознание воспринимало все происходящее, как серьезную шутку, и игра шла по всем правилам.

Идея заработать на определенных условиях сама собой пришла в голову и вывернулась на язык. Язык мой – враг мой, говорят.

– Раз так, тогда у меня есть условия. Три. Да, пожалуй, три.

– Это разумно, – поддержал господин Македонский и сделал вид внимательного слушателя.

И меня поперло:

– Во-первых, хочу, чтобы все, что между нами будет происходить, было бы без принуждения и насилия. Я хочу, чтобы ко мне относились с уважением и считались с моим мнением. Я не могу терпеть хамов и людей, считающих, что им все дозволено...

Сделала паузу. Ярослав еле заметно сдвинул одну бровь, ожидая продолжения списка условий.

– Во-вторых, на мой счет в банке должна быть положена та сумма, которую ты назвал чуть раньше. Не скрою, мне нужны эти деньги. Глупо было бы отказываться. Ну, а потом это не такая уж и большая сумма на сегодняшний день. Ну и последнее условие: я буду встречаться с тобой только определенный срок. Об условиях никто не должен знать. И о деньгах тем более. Все будет просто, естественно, непринужденно.

Когда произнесла все это и увидела выражение лица Ярослава, то не поверила своим словам. Но потом подумала, что, если он не согласится, тема отпадет сама собой.

А если согласится? Тогда не представляю, что из этого может получиться.

– И какой же срок ты определишь?– уточнил Ярослав.

– Три месяца,– посерьезнела я.

– А не дорого ли берешь за три месяца?– удивился он.

– Ну, я же не шлюха,– холодно прищурилась.

– Это совсем ничего,– снова возразил он.

Да, я согласилась бы: и в самом деле, срок не тянет на миллион. Но это ведь он хотел иметь меня?!

– Не нравятся условия – не заключай сделку,– категорично заявила я.

– Давай хотя бы на год, как все стандартные договоры?– не уступал он.

Похоже, Македонский мне подыгрывал? Не мог же он воспринимать все это всерьез? Пьяна-то была я!

– О-о! Я вижу, у тебя это дело уже поставлено,– засмеялась и расслабилась.

– Ну, хватит играть! Твое слово, Полина?– посерьезнел он.

– Да ты и полгода со мной не вынесешь!– удивленно возразила я.– Не говорю уже о том, что вокруг столько соблазна...

– Ты плохо меня знаешь,– усмехнулся он, но в усмешке была и правда, и ложь.

– А ты не представляешь, какой сюрприз я!

– Вот это мне и нравится.

Я перевела взгляд на узкую полоску на горизонте, отделяющую темное море от темного неба, и помыслила вслух:

– Хм, ну, если первые два условия будут соблюдены, то не вижу смысла отказывать. Тем более, уверена, скоро твой интерес иссякнет, поэтому устанавливать сроки в три месяца, полгода или год не имеет значения. Год так год.

Ярослав посмотрел так, будто смеется над моей самонадеянностью. А я только повела бровью, усмехаясь над ситуацией, будто разговор и, вправду, был серьезным.

– Что, невыгодные условия?– спросила, когда он опустил голову и что-то нарисовал пальцем на песке.

Он долго молчал, а потом неожиданно просто сказал:

– И это все?

Я подумала бы, что это издевка, но Ярослав полушутя-полусерьезно добавил:

– Присутствие юриста обязательно?

– Достаточно устного соглашения при условии, что ты человек слова.

– Условия, условия, условия...

Я засмеялась и поднялась. Ноги мои уже оклемались, да и свежий ветер продул мозги.

– Тогда сделка не состоится,– немедля ответила я, устав от болтовни и готовая уйти.

– Стоп...– он резко поднялся, вытянул ладонь вперед и сделал шаг навстречу.– Договорились! Когда сделка вступает в действие?

Его ироничный акцент на слове «сделка» покоробил, но так или иначе, это была именно сделка. В пору было смутиться, передернуться от возникших в мыслях ярких образов нашего с ним романа и того, что все это действительно может произойти, но ответ должен был быть твердым и бесстрастным. Я хотела поддержать имидж несокрушимой, невозмутимой женщины, с чувством собственного достоинства и собственной точкой зрения. И, не отводя глаз от его лица, со всей смелостью заявила:

– Как только второе условие будет исполнено... Но хочу предупредить, что, если будет нарушено хоть одно из остальных условий, сделка аннулируется без возврата денег.

– А если тебе понравится, мы можем продлить контракт?– улыбнулся Ярослав.

– Не играй со мной,– жестко ответила я и непринужденно угрожающе оглянулась на пляж.– Все может оказаться только нелепым разговором на пляже.

– Разговор действительно забавный, но ясность и определенность в наших будущих отношениях лучше лицемерия и насилия. Думаю, все останутся довольны.

В его словах был глубокий смысл. Или его не было вообще? Но собирался ли он отвечать за них? А я за свои?!

– Я согласен на все три условия, но тогда выдвигаю и свое, – неожиданно заявил Ярослав.

– Ух, ты! – возмущенно сморщила лоб.

– Так будет справедливо...

– Хорошо, слушаю... Если, конечно, твое условие не противоречит моим трем, – это начало все больше веселить.

– Ни в коем случае. Но его нарушение также ведет за собой расторжение сделки... Разумеется, с возвратом денег.

Он ожидал реакции, но я была невозмутима.

– Ну и...

– Мне нужна уверенность, что моя женщина будет вести себя достойно и не отвечать на предложения других мужчин.

– Ты не за ту меня принимаешь! – оскорбилась я.

– Даже не думай обижаться, – сразу успокоил он. – Но это единственное, что я не смогу терпеть рядом с собой.

– Н-да. Слышал бы кто-нибудь сейчас этот разговор...

– А что?

– Ты не находишь его странным... даже смешным?

– Уверен, в моей и твоей жизни много смешного, только у каждого своя правда, – спокойно ответил он, как будто всю жизнь только и делал, что заключал такие странные сделки.

А этот мужчина был настоящим собственником. Хотя, конечно же, если мне не нужен был он, то и вряд ли других я намечала в своем будущем. Но он-то этого не знал.

Я подняла руки над головой и, шумно рассекая воздух, с силой опустила их вниз.

– Ну, ладно. Договорились. Где подписать?

– Закрепить троекратным поцелуем, – лукаво улыбнулся Ярослав.

– Э-э-э, – шагнула назад, как только он стал приближаться. – Сделка еще не вступила в силу, а ты уже нарушаешь первое условие?

– Ладушки, все будет, как в аптеке, – засмеялся он и покачал головой.

То ли этот жест означал, что придурочный разговор окончен, то ли это была его реакция на мою диковатость. Я ведь никогда не подпускала к себе никого без особого пропуска. А Ярослав его еще не заслужил.

– Все, я пошла, – засмеялась за компанию и зашагала в другую сторону.

– Скоро увидимся, – предупреждающим тоном крикнул вслед Ярослав.

Конечно, увидимся, заключим еще какой-нибудь договорчик! О-о, как звенит в ушах!

Как только разговор был завершен и каждый побрел в свою сторону, так сказать, к своей стае, моя идея уже не казалась такой забавной. Так бывает, когда сначала захлестывают эмоции, горишь, светишься, как лампочка, все кажется простым и гениальным, а наутро открываешь глаза и думаешь: вот смехота-то! Слава богам, не опозорилась. А пьяная болтовня – всего лишь пьяная болтовня!

Не мог же Ярослав подумать, что я серьезно заключила с ним сделку. Он же видел мое косоглазие десятой степени, и нюх у него был, как у собаки.

Может быть, так и случится? Ярослав проспится, вспомнит наш разговор и скажет: «И на черта мне эта придурочная, за которую еще и миллион отвали?!» Проснусь и я, и все забудется, как разговор двух алкоголиков в приступе белой горячки.

Ладно, остынь, Полина, утро вечера мудренее, как говорила царевна-лягушка. И надо же было себя так выставить! Похоже, я не перестала совершать сумасбродные поступки.

На свой чердачок попала привычным обходным путем: по лестнице в задней части дома. Мама уже спала. Жутко хотелось есть, но кухня была слишком далеко, и ноги уже не держали, а голова занята мыслями и уже неконтролируемыми фантазиями об отношениях с Ярославом Македонцем. Только вот за его лицом, карими глазами и филированной челкой представляла совсем другого человека.

Если бы сейчас Кирилл предложил такую сделку, я бы с радостью ее приняла. В ситуации договорных отношений не было бы места всяким там господам Белохвостовым, а иллюзия истинной жертвенной любви вполне бы меня устроила.

Ночь была забавной. Я не сомкнула глаз, вернее, мысли. Глаза слипались, но сознание не отключалось. Столько воспоминаний проплыло в мутном сознании: приятных, страстных, тоскливо-досадных. Думаю, что остатки текилы в крови позволили без сопротивления открыться этим романтическим бредням, потому что в трезвом сознании я бы и половины не позволила себе вообразить.

На следующий день голова почти не болела, я чувствовала эмоциональный подъем, и была свободна...

О-о-о, свободна – это не то состояние, чтобы радоваться, но теперь у меня снова был шанс подыскать что-нибудь новенькое. Это я про работу, которую в этих краях уместнее было бы назвать каторгой: полная отдача, и на кефирчик сдача.

Итак, чтобы повысить настроение, навела марафет и в доме, и в своем облике и собралась в город с девчонками. Но они отчего-то задерживались, и я решила сделать маску для кожи рук.

– Полина, к тебе приехали, – окликнула мама, когда мои пальцы погрузились в тягучую сливочно-медовую смесь.

– Кто это?! – спросила удивленно и раздраженно. – Неужели девочки, наконец-то, шнурки разгладили?

– Я их не знаю, – с легким беспокойством в голосе ответила мама.

Смутные ощущения заворочались в груди. Я вымыла руки и выглянула в окно.

За воротами стоял черный БМВ, а у калитки один из тех амбалов, что часто крутился рядом с Ярославом – Стас.

Это было странно! Что делал этот громила у наших ворот?

Наш Сенька разрывался в возмущении оттого, что чужак методично постукивал чем-то металлическим по калитке.

Я вышла, успокоила пса и подошла к воротам. Не отпирая калитки, выглянула поверх ограды и спросила:

– Что, любим песиков подразнить?

– А? – оглянулся амбал.

– Ты кто?

– А, привет. Нас послал Македонец.

Так он еще и не один?! Меня это крайне насторожило. Конечно, узнала это бревно, которое хотело меня «порвать». Но зачем Ярослав послал его ко мне?

– Зачем послал? – спросила с недоумением.

– За тобой, кукла, – гаркнул тот. – Чё, не ясно, что ли?

– Не хами, горилла! Давай все с толком и расстановкой? – возмутилась я.

– Калитку открой, поговорим.

– Я тебя и так прекрасно слышу...

Но не успела договорить, как громила рванул калитку на себя и... Плакал наш древний шпингалет.

– Садись в машину, тебя Яра ждет!

Поведение мужлана разозлило до предела. Я не собиралась терпеть такого обращения.

– А где же сам Ярослав?

– Яра ждет в банке.

И тут дошло, что Македонский всерьез принял мои условия и все-таки пожелал заключить договор на миллион. Честно говоря, не ожидала, что вчерашний разговор воплотится в реальность и, тем более, так скоро. Но отказываться от слов, хоть и сказанных на нетрезвую голову, когда абсолютно наплевать, что и кому говоришь, не собиралась. Я еще не знала, как буду вести себя дальше, что будет происходить в моей голове, как развернутся события, но еще никогда не пасовала перед проблемами, даже созданными собственноручно. Вернее, «собственноязычно».

Посмотрев на нечеловеческое лицо охранника, засомневалась: ехать ли с ним выполнять задуманное, или добраться до банка самой? Ну, и решила импровизировать.

– Ярослав обещал лично за мной приехать. Пожалуй, я его подожду, – ответила я, а там, думаю, как пойдет. Все равно не доверяю ни Стасу, ни тому второму за рулем, хоть и симпатичному.

– Да садись ты, пры-ры-нцесса, – грубо и раздражительно скомандовал Стас и, схватив меня за локоть, вытянул из-за калитки.

И тут я засомневалась, что все мои условия будут хоть что-то значить, как только будет сделан первый шаг. Пока находилась в секундном замешательстве и расстройстве от собственной глупости, Стас протянул руку и резко втокнул меня в машину на заднее сидение. Даже не успела пискнуть. Если честно, ух как испугалась дальнейших осложнений. Лучше приеду на место и все разрешу с их «главарем».

У банка меня действительно ожидал Ярослав. Я с облегчением выпрыгнула из машины, не дожидаясь, когда Стас откроет дверцу. Тот и сам не ожидал от меня такой прыти и пожал плечами на укоряющий взгляд Македонца.

Я подошла к Ярославу и пристально посмотрела в глаза. Их выражение не дало никакого толка, кроме того, что заметила, как он любовался мной.

– Ну, идем? – с интригой в голосе спросил он.

А чем черти не шутят? Назвалась лососем – сигай по камням на нерест!

Я прищурилась, мстительно оглянулась на Стаса и высоко подняла голову.

– Идем! – произнесла уверенно.

Мы молча вошли в холл банка, и я тут же попросила Ярослава присесть за столиком у окна.

– Наш договор еще не вступил в силу, но я уже пожалела, что дала свое согласие, – тут же выложила ему.

Он сначала недоуменно, потом недовольно окинул взглядом мое лицо и, откинувшись на спинку дивана, спросил:

– Что же случилось за ночь? Мне казалось, что ты не бросаешь слова на ветер?

– Я – да, – соврала я. – А вот ты – не уверена.

– Давай откровенно, я не люблю недомолвок...

– Если я попросила тебя соблюдать уважение ко мне, то это не означает, что вся твоя «шушера», вроде этих амбалов, которые привезли меня сюда, как проститутку на работу, могут обращаться со мной, как им будет угодно! – выпалила с чувством и надула губы.

– Так! – недовольно отрезал Македонский и нахмурился.

Через несколько секунд поднялся и, ничего не сказав, пошел к выходу из банка. Я осталась в гордом одиночестве. Через секунду он вернулся и попросил выйти с ним на улицу. Внутри замерло от напряженного любопытства.

Только вышла на крыльцо, как Ярослав сердито спросил:

– И кто позволил себе обращаться с тобой грубо?

Я не стала скрывать, будь, что будет, и молча кивнула на Стаса.

– Что он сказал?

– Да ничё я не сказал,– начал оправдываться Стас, злобно косясь на меня.

Сергей просто опустил голову и еле заметно качнулся на носках.

– Проревел «да садись ты, пры-ы-нцесса» и впихнул меня на заднее сиденье,– просто пожаловалась я, совершенно не думая о последствиях.– А еще он выломал шпингалет на моей калитке.

Ярослав неожиданно спустился по ступеням к машине, резко схватил Стаса за правую руку и загнул ее за спину, так высоко, что тот склонился вперед и завопил от боли.

Я аж вздрогнула от неожиданной реакции Ярослава.

– Этой рукой?– поинтересовался Македонский, пользуясь своим безоговорочным превосходством над телохранителем и в ловкости, и по положению.

Я откровенно испугалась. Рядом проходили люди, и они испуганно и осуждающе смотрели на Ярослава. Но его, похоже, совсем не волновало их мнение.

– Знаете что, разбирайтесь сами!– отмахнулась я и решила удалиться подальше, пока не попала под раздачу.

– Полина,– окликнул Македонский,– пожалуйста, пройди в банк. Я сейчас подойду.

Сама не понимая, что делаю, свернула в сторону банка и поднялась к дверям. Краем уха слышала последние фразы, которые произнес Ярослав своим «псам»:

– Если еще раз хоть пальцем к ней прикоснетесь, будете иметь дело со мной. И впредь: при ней чтобы не слышал от вас ни одного писка. Ясно? Не слышу!

– Ясно,– пробубнили те.

Я вошла в холл банка и прислонилась спиной к колонне.

Вот же влипла, блин! И мама, и Сенька, и весь мой двор! Справлюсь ли я с этим? В конце концов, миллион на дороге просто так не валяется?! Ну что, справишься, Полина? По крайней мере, надо попробовать, а там уже разберусь.

Вошел Ярослав и внимательно посмотрел на меня.

– Ты, никак, испугалась?

– Ага, практически молю о пощаде,– насмешливо закатила глаза.

– Ладушки, шутки в сторону. Данные паспорта помнишь?

– Зачем?– нахмурилась я.

– Откроем тебе счет, помнишь, на какую сумму?– улыбнулся он.

Я растерянно пожала плечами и поморгала...

Нет, я не была растерянна, смятена, взволнована! Просто тормозила от невероятности происходящих событий...

– Помню, только без паспорта все равно ничего не оформить. Твой горилла не дал мне возможности сообразить, что надо взять паспорт.

– Это мои заботы. Главное – верные данные и твоя подпись. Идем к окну.

Мы подошли к операционному окну.

– А суммочка будет в деревянных или в зелененьких?– спросила с усмешкой, когда Ярослав достал из кармана пиджака какие-то карты и документы.

– В розовеньких. Не против?

Ого! В евро! Черт меня подери! Это же целое состояние!

У меня, наверно, изменился цвет лица и выражение глаз, что Ярослав весело рассмеялся.

– Нет, ты серьезно?!– уточнила я.

– Я – да. А ты?

Я уставилась на него широко открытыми глазами и покачала головой.

– Ты сумасшедший, если хочешь потратить такую сумму для того, чтобы заполучить...

Я вовремя замолчала, потому что на нас внимательно посмотрела девушка из операционного окна и попросила документы.

– Ну, ты понял,– продолжила, отводя глаза от служащей банка.

– Эй, ты что, начала сомневаться?– спросил Ярослав и отвернулся от окна.

– Честно? Я думала, мы просто почесали языки. А разве нет?

Он засмеялся и медленно отвел меня от окна на некоторое расстояние.

– Полина, я серьезно,– деловым тоном произнес он.

– Ладно, я не отказываюсь,– не решилась отступить я,– но миллион евро – это в голове не укладывается. Что же ты будешь делать со мной за такие деньги? Или какие такие услуги я должна буду оказывать тебе? Мне об этом совершенно не хочется думать. Мы договаривались на миллион. Вот и пусть это будет миллион украинскими народными. О'кей?

На его лице промелькнуло выражение, распознать которое удалось намного позже. Он был удивлен. Клянусь, не ожидал, что я окажусь такой неалчной.

– Хорошо, гривны, так гривны. А может, зелеными?

– Нет, гривнами!– настойчиво заявила я.– Чего доброго, еще замочат за такую сумму!

– Кто?– расхохотался Ярослав во весь голос.

Я посмотрела на него, как на придурка, а потом на лица людей вокруг.

– Ты точно шизанутый!

Он продолжал смеяться.

– Да не смешно уже!– хлопнула его по спине.– Или ты сам уже допетрил, что намутил?

Ярослав выпрямился, прочистил горло кашлем, посерьезнел и снова внимательно посмотрел на меня.

– Так, ты деловая женщина или трепло?

– А ты хамовитый малый!– недовольно упрекнула я.

– Так,– еще серьезнее отрезал Ярослав,– у меня к тебе дело, а ты тут строишь козу с баяном!

– Я тебе что, кукла размалеванная?!– прищурилась я.

Но, как ни странно, не злилась. Меня с головы до ног пробирал азарт и чокнутое женское любопытство. Черт его поймет! А меня – тем более!

– Я в игрушки давно не играю: нет на это времени. Так что – не будем тянуть резину?

– Не будем!– с какой-то жуткой уверенностью слетело языка, тоже выпрямилась и смело глянула ему в глаза.

– Ладушки. Только у меня одно условие...

– Что?!– тут же вздрогнула от возмущения.

Что это еще за фокусы?! А у кассы он еще ряд условий выдвинет?

– Погоди, выслушай сначала,– остановил Ярослав, коснувшись ладонью моего плеча.– Не могу же я просто выбросить миллион в никуда. А вдруг ты завтра же снимешь деньги и – салют?

– Твою налево, и с кем же я связалась?– возмущенно бросила и сделала шаг назад, собираясь уйти из банка.

Но Ярослав ловко обхватил рукой за талию и вернул меня на прежнее место.

– Надо что-то придумать с твоим нетерпением!– усмехнулся он.

– Да пошел ты, дипломат!– наконец-то разозлилась я.

– Полина, я только хочу внести маленький разумный пункт в договор об использовании счета. Ты сможешь распоряжаться всей суммой только через три месяца. Неужели это такое глупое условие? Или же ты действительно хотела оставить меня с носом?

Я медленно выдохнула. Но он был прав... в каком-то смысле. Он же не знал, на что я способна. А способна я была на многое, наверное...

Стиснув зубы, церемонно кивнула.

– Вот и ладошки,– на удивление, очень обрадовался Ярослав.
Неспроста был этот щенячий восторг...

А потом я пристально наблюдала за выражением лица господина Македонца, когда мы оказались у операционного окна. Трудно было угадать, что он чувствует, подписывая квитанции о переводе крупной суммы на другой счет. Его взгляд был непроницаем.

– Может быть, не стоит все это затевать?– спросила я, с каждой минутой все яснее понимая, что совершаю нечто неразумное.

Его рука замерла над бумагой, он бесшумно вздохнул, медленно оглянулся и долго смотрел в глаза незнакомым сканирующим взглядом, от которого у меня занемел затылок и непроизвольно напряглись мышцы плеч и спины. А затем он сказал просто, тепло и коротко:

– Стоит.

В его голосе и во взгляде не было ничего подозрительного, угрожающего, но именно после его «стоит» почувствовала, что сама, без чьей-либо указки и помощи, накинула петлю себе на шею. А после его замысловатой подписи на квитанции я окончательно поняла, что ступила на тонкий лед.

И почему-то тогда не пришла в голову мысль – повернуть процесс обратно? Чем я только думала? Вероятно, протухшими от кактусовой водки мозгами.

А когда мы выходили на улицу, все острые впечатления и ощущения остались за дверями банка. Но настроение было какое-то дурное.

– Ну, позволь пожать тебе руку, партнер?– иронично проговорил Ярослав и улыбнулся.

– Ладно, улыбайся пока,– строго прищурившись, предупреждающим тоном ответила я.– Конечно, ставить условие, чтобы ты не встречался с другими женщинами, я не могу. Но, надеюсь, санитарные нормы тебе известны?

– А вот за это ты можешь не беспокоиться,– неоднозначно ответил он, явно удивленный моим высказыванием.

Но, чтобы не заводить разговор в темные кущи, не стала выяснять, что он имел в виду, и нашла причину, чтобы покинуть его.

– Тебя отвезут,– уверенно заявил он.

– Не надо мне твоих псов. Я ножками,– решительно отмахнулась я.

– Да не бойся ты их. Они тебя пальцем не тронут. К тому же кому-то из них придется починить твою калитку.

Ярослав не собирался уступать. Тогда я оглянулась на Стаса, затем на второго, кажется, его звали Сергеем, и кивнула.

– Пусть меня отвезет тот, второй. Иначе никуда не поеду!

– Сергей, аккуратно доставь даму домой,– тут же обратился Ярослав к Сергею настоятельным тоном и подал руку, чтобы я спустилась с крыльца банка.

Я села в машину. Ярослав остался на улице и с явным удовлетворением помахал рукой. Таким было мое прощание с ним на сегодня.

Спрашивать, когда ожидать следующей встречи с ним, было глупо. Век бы его не видеть. Однако беспокоило ожидание следующего теперь уже свидания.

Тьфу ты, я все-таки сделала это! А как же теперь мои девчонки? А что скажу маме? Чем мне теперь заниматься три месяца до получения права доступа к моему миллиончику? Хм, как будто я без него с голода умирала!

Н-да, какая же я оказалась в итоге меркантильная!

Немного позже я рассказала маме, что устроилась на работу в одну независимую фирму, буду работать по свободному графику. Ведь предполагала, что буду частенько отсутствовать. Вероятно, Ярослав захочет видеть меня ежедневно. Мама не поняла бы мою историю со сделкой. Сама до сих пор не верила, что втянула себя в такую сомнительную авантюру. Но даже

тогда не чувствовала, что всё это выйдет мне боком. Ну, повстречаюсь, ну, поцелуюсь пару раз, это же такая мелочь. Даже если у нас с ним что-то и будет, вряд ли это станет трагедией моей жизни. В конце концов, я уже начинала к нему привыкать. Да и не такой уж он страшный, как показалось в начале нашего знакомства. Словом, стала настраивать себя на встречи с обворожительным молодым мужчиной, которого некоторое время назад называла северным хомяком, беспринципным вором в законе и еще парой нелепых прозвищ.

В общем, заморачиваться на его счет не стала. Я никогда не была паникершей: решать проблемы надо по мере их поступления.

Но странным оказалось вот что: Ярослав не звонил, не приезжал вот уже второй день. Дел у меня хватало, не скучала: занималась домом, отдыхала с подругами, съездила, наконец, в соседний район Алушты в новый закрытый аквапарк. Но была в недоумении.

Что затевал Ярослав? Так набивался в ухажеры, а теперь и носа не показывал?! Странно! Может быть, его уже не было в живых? Братва замочила? Ха-ха, нет, что-то здесь не то...

А ощущение чего-то непредсказуемого и непостижимого моим смелым умишком не оставляло. И потом с каждым прожитым днем идея свиданий по договору начинала смущать.

Он бы мне еще расписание на утверждение прислал! Ха! Наверное, хорошо прикололся, а я попала на крючок? А счет в банке – так, афера чистой воды. Интересно, долго гориллы откачивали его от смеха? А я-то, дурында, еще чего-то там строила из себя, выживалась, как умела. Да, ну что ж, будет что вспомнить на пенсии. Так ржать буду, что протезы потрескаются.

Но до пенсии было еще далеко!

По прошествии трех дней я услышала гудок машины у ворот. Мамы, к счастью, не оказалось дома. Не хотелось бы ей объяснять, почему вдруг у нашего двора появилась внушительных размеров иномарка с симпатичным водителем за рулем. А Сеньке я просто приказала молчать. Он поклялся, задрав правую лапу и обмочив свой любимый угол забора.

К калитке подошла медленно, чтобы не создавать лишних иллюзий. Известный гарный хлопец сидел за рулем и смотрел на меня через открытое окно своего БМВ.

Первое желание – сунуть в узорное отверстие калитки шланг с водой и залить этого красавца по самую филированную челку – я подавила с трудом. Но, ярко представив эту картину, не смогла удержаться от смешка и разулыбалась во весь рот.

– Привет, – с ответной улыбкой крикнул Ярослав.

– Привет, – ответила с каким-то смешанным чувством.

Вот оно – это непонятное, неопределенное состояние, которое делало меня непредсказуемой даже для самой себя.

– Садись? – просто кивнул он на сиденье автомобиля, не отрывая от меня глаз.

– Вообще-то, я никуда не собиралась...

– А никуда и не нужно собираться. У меня есть свободный час. Мы просто покатаемся, поговорим, – перебил Ярослав.

Я окинула свой внешний вид критическим взглядом: домашние шорты были еще ничего, да и тенниска с капюшоном почти новая. Конечно, шорты коротковаты, но если он будет пялиться на мои коленки, то сам черт ему не поможет!

Я заперла калитку и села в машину. Ярослав обернулся к заднему сиденью, а потом неожиданно поставил мне на колени корзину с виноградом.

– Жуй.

Это было, я бы сказала, оригинально. Не в смысле «оригинально!», «вау!», а непосредственно, по-свойски, совсем не романтично. Нет, ужасно! Нет, меня тошнило от такой милоты – вот то самое определение.

А дальше мы поехали обсуждать «детали» нашей «сделки», как бы цинично это ни звучало.

Я жевала виноград, потому что в голову лезли такие мысли, что высказывать их было бы самым идиотским занятием в тот момент. А Ярослав, на удивление, вел себя прилично.

Сначала говорил что-то о погоде, о природе, о последних новостях в Алуште, но потом наступила пауза, в которую я решилась подать голос и направить разговор в нужное русло, чтобы, наконец, занять представление о будущем.

– Ярослав, давай не будем вокруг да около? Скажи, как ты представляешь наше с тобой... как бы это выразиться... предприятие?

– Хм, предприятие?– усмехнулся он.

Да, я начала слишком мягко.

– Короче, карты на стол!– тут же отреагировала.

Он сразу принял тему и посерьезнел.

– Да, с тобой не соскучишься! Ладушки, давай о деле. Я человек публичный, поэтому мы часто будем находиться на людях: вечеринки, презентации, деловые ужины. Мне хотелось бы, чтобы ты сопровождала меня. И, в общем-то, просто была моей девушкой. Думаю, не надо объяснять, что это значит?

– На деловых ужинах? А мне обязательно там бывать? Не боишься, что могу разболтать твои секреты конкурентам?

– Ну, ты, конечно, девочка разговорчивая,– загадочно улыбнулся Ярослав,– но какой тебе толк?

– Заработать еще один миллион,– поиграла бровями.

Он посмотрел на меня таким странным взглядом, что шутить дальше на эту тему расхотелось.

А вдруг он вообще не понимал шуток? Язык мой – враг мой. Зачем нужно было так глупо рисковать?

– После нашей последней встречи я сомневаюсь, что этот мотив будет иметь место,– добавил Ярослав.– Но не шути так.

– Да, плохая шутка,– согласилась, нисколько не смутившись.– Ладно, замяли тему. Что дальше?

– Никакого конкретного плана у меня нет, если ты об этом,– сыронизировал Ярослав.

– Как?! У тебя нет бизнес-плана?– сыронизировала в ответ.

– Полина, такое ощущение, что ты специально стараешься меня разочаровать в себе?

– Хочешь, скажу правду?– хитро прищурилась я.

– Давай.

– То, что кажется специальным, у меня в порядке вещей. Я не умею притворяться, придуриваться, льстить и лицемерить, я подчиняюсь не мозгам, а тому, что внутри,– я выразительно скрестила ладони на сердце.

– Иногда полезно включать мозги,– сумничал он.

– А я включила на минуточку, когда просчитывала выгоду от нашего с тобой договора,– парировала я и недовольно отвернулась к окну.

Тоже мне, остряк! Думал, в ножки ему поклонюсь за деньги? Ой, вряд ли! Даже Кирилл не смог меня укротить, когда его семейка Адамсов взялась за меня. А я его любила так, как никого на свете. Поэтому, властелин мира товарищ Македонский, не стелить вам ковры для коленопреклонения.

– Ты надулась?– спросил он через несколько минут молчания.

– Ну что ты, когда я надуюсь, тебя выдавит из машины через лобовое стекло,– процедила сквозь зубы.

Да нет, я не злилась. Просто бесила эта ситуация. Комедия какая-то на тележке!

– Слушай, Ярослав, давай так: ты просто дашь мне некоторое время свыкнуться с мыслью, что на год ты станешь моим ухажером. Обещаю, буду вести себя подобающе ситуации...

Ярослав удивленно вскинул одну бровь, видимо, приятно удивился неожиданной сговорчивости. Но я сразу лишила его иллюзий, продолжив:

– Это не значит, что я буду терпеть все, что ты предложишь. Это значит, что я буду человеком с людьми и стервой с подонками. А таких в твоём окружении пруд пруди.

Ярослав задумчиво помял губы и неохотно кивнул.

– И, пожалуйста, предупреждай меня заранее о своём приезде.

– Конечно, как пожелает дама, – притворно услужливо заверил он. – А к какой категории ты относишь меня: людям или подонкам?

– Ой, не умничай, – одернула его. – С некоторых пор я не умею ладить с людьми, которые становятся костью в горле. А с тобой мы поладили. Что ты так беспокоишься?

– Поладили?! – усмехнулся он и, потирая подбородок ладонью, откинулся на спинку кресла.

– Ну, я же дала согласие быть твоей девушкой. Этого мало?

– О-о, а чего мне это стоило! – поддел он.

– Ой, каких-то там сто пачек разноцветных бумажек, – отмахнулась и пожала плечами.

– Да уж! – засмеялся он.

Я тоже засмеялась, и эта была первая оттепель в наших с ним так называемых «отношениях». А смеялся он забавно: по-мужски сильно, звонко, приятно.

Мы выехали на главную площадь в центре Алушты и, свернув на светофоре, медленно поехали за колонной машин в сторону моря. Впереди дорога была перегружена казенным транспортом: пожарными и ментовскими машинами и подъемниками. На площади красовался белый дом, администрация Алушты, который с торца, выходящего прямо на обозрение народа, был разрисован в черно-красной гамме профессионалами граффити. Одна из бригад пожарных упорно пыталась смыть это произведение, но ни сантиметр рисунка не поддавался их стараниям.

Это было что-то!

Рисунок, смысл которого нельзя было передать словами, так как в русском языке их не было, получился на редкость ядовитым и хорошенько припалил продажную шкуру местных чиновников.

– Ничего себе?! – удивился Ярослав, выглядывая в лобовое стекло.

Меня вдруг чуть не прорвало: еле сдержалась от дикого хохота, но не могла спрятать широкой улыбки удовлетворения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.